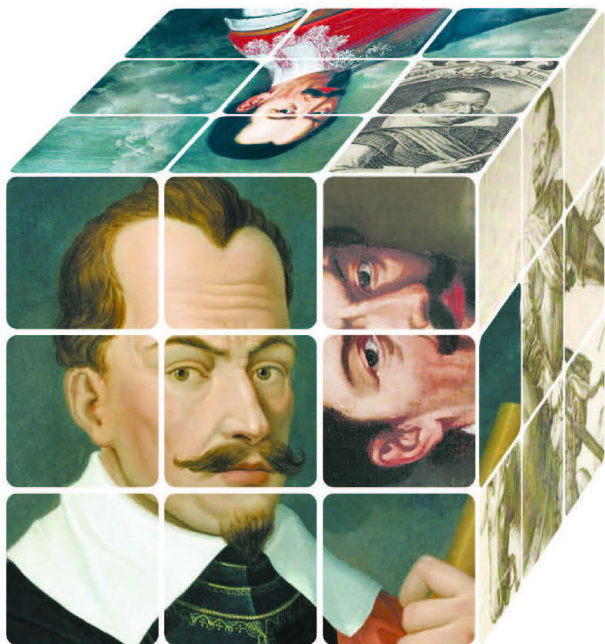

Ганс Шульц

par
vus
libellus

ВАЛЛЕНШТЕЙН И ЭПОХА ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

е в р а з и я

Hans Schultz

WALLENSTEIN
UND DIE ZEIT
DES DREISSIGJÄHRIGEN
KRIEGES

Bielefeld — Leipzig, Velhagen&Klasing,
1898

Ганс Шульц

ВАЛЛЕНШТЕЙН
И ЭПОХА
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ
ВОЙНЫ

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(430)»1618/1648»

ББК 63.3(0)51

Ш95

Шульц, Ганс.

Ш95 Валленштейн и эпоха Тридцатилетней войны / Г. Шульц ; пер. с нем. Н. А. Власова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 161 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0799-2

Имя Валленштейна известно даже тем, кто достаточно смутно представляет себе историю Тридцатилетней войны. И действительно, биография этого полководца читается как захватывающий приключенческий роман. В его жизни было все — головокружительный взлет, интриги, победы и поражения и, наконец, трагическая гибель. Недаром великий немецкий поэт Фридрих Шиллер посвятил Валленштейну одно из главных своих произведений. По сегодняшний день весьма спорным остается вопрос оценки личности и деятельности этого «идеального наемника». Был ли он просто беспринципным стяжателем славы и богатств — или талантливым политиком, который мог бы направить развитие Германии по иному пути? В представленной книге дается не только краткий очерк биографии Валленштейна, но и богатая пища для размышлений, связанных с его ролью в европейской истории.

УДК 94(430)»1618/1648»

ББК 63.3(0)51

Электронное издание на основе печатного издания: Валленштейн и эпоха Тридцатилетней войны / Г. Шульц ; пер. с нем. Н. А. Власова. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 160 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0455-7. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0799-2

© Власов Н. А., перевод, 2019

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2019

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2019

Предисловие переводчика

Тридцатилетняя война, продолжавшаяся с 1618 по 1648 год, стала одним из крупнейших конфликтов в европейской истории. В германской историографии она получила название «немецкой катастрофы», разорившей и опустошившей германские земли, закрепившей их политическую раздробленность и отставание от более успешных стран Западной Европы. В особенности в трудах историков XIX века — эпохи расцвета национальной идеи — на первый план выходил мотив возвышения соседних государств, в первую очередь Франции, за счет растерзанной ими Германии.

И действительно, боевые действия Тридцатилетней войны нанесли очень тяжелый урон Священной Римской империи германской нации (или просто Империи), на территории которой они разворачивались. Был ли этот урон фатальным, учитывая, что воевали в то время много, часто и жестоко и другие страны тоже страдали от опустошительных набегов? С точки зрения современных историков, ответ уже

не столь однозначен. Да и сама Тридцатилетняя война рассматривается в другом, более широком, глобальном контексте.

В первой половине XVII века по всей Европе прокатилась волна вооруженных конфликтов. Они включали в себя и поддержку англичанами французских гугенотов (знаменитая благодаря произведению Александра Дюма осада Ла-Рошели), и борьбу между испанцами и французами в Италии, и восстание португальцев против владычества Габсбургов. Все эти боевые действия были тесно связаны с происходящим в Империи, даже если обычно мы не считаем их частью Тридцатилетней войны. Так, Россия, начав в 1632 году войну против Речи Посполитой (Смоленская война), тем самым обеспечивала тыл шведского короля Густава II Адольфа, который до этого вел долгую и изнурительную войну против Речи Посполитой. Москва и Стокгольм являлись фактически союзниками, и русские цари субсидировали шведов, разрешая им покупать хлеб по низким ценам и продавать его потом с большой прибылью на рынках Западной Европы.

Однако эта система взаимосвязанных конфликтов не ограничивалась Европой. Тридцатилетняя война — в широком смысле этого

понятия — была поистине глобальной и, по-хорошему, может быть без всякой натяжки названа первой *мировой* войной. Голландцы сражались с испанцами и португальцами и в Западном полушарии, и в юго-восточной Азии, и в Индийском океане. Особенно ожесточенной была борьба за Бразилию и за Острова пряностей. Значительное влияние на происходящее в Европе оказали и турецко-персидские войны, лишившие Османскую империю возможности активно выступить против Габсбургов.

Итоги Тридцатилетней войны также оказались весьма значимыми в истории как Европы, так и всего мира. Еще не так давно с заключения Вестфальского мира отсчитывали всю современную историю международных отношений. Сегодня эта точка зрения все чаще подвергается критике — мирные договоры 1648 года не открыли новую эпоху в европейской политике и скорее зафиксировали то, что уже существовало на данный момент. Тем не менее, драматических изменений в первой половине XVII века хватило. Испания окончательно утратила свое могущество и стала тенью некогда грозной империи, перед которой дрожала вся Европа. На ее место выдвинулась Франция, которая в течение двух следующих

веков будет претендовать на доминирующую роль в системе. В Империи отдельные княжества смогли еще раз подтвердить свой суверенитет и почти символический характер императорской власти. В Балтийском регионе на лидирующую позицию выдвинулась Швеция, а центром европейской экономики стала Республика Соединенных Провинций (Голландия), получившая в 1648 году окончательную независимость от Испании. За пределами Европы «молодые» колониальные державы — Англия, Франция и Голландия — стремительно вытесняли «старые», Испанию и Португалию, которым с трудом удавалось защищать уже имевшиеся у них владения.

Тридцатилетняя война интересна еще в двух отношениях. Во-первых, ее можно назвать последней в Европе религиозной войной. С середины XVII века вопрос конфессии не играл уже столь значимой роли в европейской политике, а войны практически полностью лишились какой-либо религиозной окраски. Во-вторых, она стала высшей точкой и одновременно началом конца эпохи наемников. На полях Тридцатилетней войны друг с другом сражались пестрые наемные армии, а деньги самым непосредственным образом трансформировались в солдат. Каждый полк

был, говоря современным языком, частной военной компанией, которая должна была приносить своему владельцу прибыль. Оплата услуг этих компаний была постоянной головной болью для европейских монархов. Наемные армии грабили и разоряли все на своем пути, не щадили ни своих, ни чужих, и поэтому ужасы Тридцатилетней войны приобрели хрестоматийный характер, надолго оставшись в памяти европейцев. Но в то же время начался постепенный переход к новой модели — к постоянной армии, к четкой и хорошо организованной военной структуре, находившейся целиком и полностью в руках монарха. Содержание такой армии тоже стоило недешево, и на смену сословной монархии раннего Нового времени стало приходить более эффективное, централизованное, бюрократическое государство, которое принято называть абсолютистским.

Альбрехт фон Валленштейн стал, пожалуй, самым знаменитым участником Тридцатилетней войны. Его быстрый взлет и трагическая гибель, его талант организатора и абсолютная беспринципность невольно привлекали внимание. Для немецких историков эпохи национализма, смотревших на прошлое через призму «германской миссии» протестантской

Пруссии, Валленштейн представлял собой некоторую проблему. С одной стороны, он сражался за католиков и за Австрию, непосредственно участвовал в ужасном разорении немецких земель. С другой — стремился усилить единство Германии в противовес княжескому сепаратизму. Валленштейн и в действительности был весьма сложной личностью. Честолюбивый, беспринципный, жестокий и безжалостный, идеальный командир наемников, он, тем не менее, мог выступить в роли мудрого и талантливоего правителя, верного друга и любящего отца. Его безразличие к религиозным вопросам было положительным качеством в эпоху, когда людей убивали просто из-за того, что они иначе молились Иисусу. Неслучайно эта личность обладала огромной притягательной силой как для современников, так и для потомков. Легенды о нем стали складываться еще при его жизни, а великий немецкий писатель Фридрих Шиллер посвятил ему одну из главных своих драм. Трилогия «Валленштейн» стала одним из главных произведений классической немецкой литературы; главный герой предстает в ней как сложная, многогранная, трагическая фигура.

На сегодняшний день на русском языке не существует полноценной биографии

Валленштейна. Зато огромное количество произведений о нем, что неудивительно, существует на немецком языке. В Германии его жизнь и деятельность были хорошо изучены уже к концу XIX века. Именно поэтому представленная читателю книга Ганса Шульца, опубликованная в 1898 году, не утратила своей актуальности. Чтобы сделать ее более доступной отечественному читателю, перевод осуществлен с небольшими сокращениями, не влияющими на основное содержание текста.

Николай Власов

1. Бурная эпоха

Судьба Валленштейна, в первую очередь его ужасное падение с головокружительной высоты, всегда вызывала желание изучить побудительные мотивы и характер этого человека, равно как и характер его эпохи. Его жизнь ясно показывает, в какой степени личность является продуктом своего времени. В то же время нельзя не заметить, с каким талантом и энергией он ставил себе на службу силы этой эпохи, как он стремился воплотить в жизнь идеи, принесенные невидимым, но отчетливо слышимым потоком времен. В то время друг другу противостояли два политических принципа, и обоим он успел послужить.

В то время, когда Валленштейн появился на свет, Германии приходилось искать свой путь в новых условиях, созданных Реформацией. Император Карл V не смог достичь цели всей своей жизни — не создал универсальной империи, которая была бы возможна только в том случае, если бы весь христианский мир принадлежал одной Церкви. К несчастью

для него, именно во время его правления монах из Виттенберга¹ выступил за очищение старой церкви. Чтобы использовать ресурсы Германии для достижения своих политических целей, император вынужден был сделать немцам неудобные для него уступки; борясь с новым религиозным и национальным движением, он оказался втянут в распри с немецкими князьями², которые кончились крушением императорской власти.

Разочарованный, Карл оставил своего брата Фердинанда вести переговоры с князьями. На Аугсбургском рейхстаге 1555 года мир был заключен. Сословиям было разрешено исповедовать Аугсбургскую веру³, а религию подданных определял их князь — «чья власть, того и вера», далекое отступление от евангелической свободы. Только духовные князья не пользовались правом выбора — они должны

¹ Имеется в виду Мартин Лютер.

² Термин «князь» как в немецком, так и в русском языке может употребляться двояко. С одной стороны, это дворянский титул. С другой — князьями называли всех суверенных правителей территориальных образований, существовавших в Империи. Разница между этими двумя понятиями обычно вполне очевидна из контекста.

³ Так с 1530 года называли лютеранство.

были оставаться католиками. Если же один из них переходил в протестантизм, то должен был немедленно оставить свой пост. Однако поскольку во многих монастырских владениях, особенно на севере Германии, большинство обитателей уже приняли новую веру, Фердинанд по требованию лютеран в письменном виде разрешил жителям церковных княжеств свободно исповедовать ее.

Однако ни одна из двух конфессий не признала невыгодные для себя условия. Немецкий народ не получил ни религиозного единства, ни религиозной свободы; заключенный мир таил в себе зерно новых распрей и ожесточенной вражды. Протестантизм постепенно овладел Германией. Почти все северные княжества, а также Курпфальц⁴, Вюрттемберг, Баден-Дурлах, Баден-Баден, почти все большие вольные города — Франкфурт, Шпейер, Вормс, Страсбург, Нюрнберг, Ульм, Регенсбург — были протестантскими. Католиками оставалась лишь десятая часть немцев. Несмотря на все запреты, епископства, находившиеся в окружении протестантских земель,

⁴ На территории исторической области Пфальц на западе Германии располагалось несколько княжеств, самым значимым из которых было курфюршество Пфальц, или Курпфальц.

также становились владениями протестантов; восточнее Везера в руках католиков осталось лишь епископство Хильдесхайм.

Однако вскоре развитие протестантизма остановилось. Провозглашенный Лютером в 1521 году принцип — не позволять никакой светской власти предписывать себе веру — было невозможно провести в жизнь в реальном мире. Так начались бесплодные богословские споры о нормах и ритуалах. Покинув твердыню римского католицизма, лютеране остановились и начали спорить о том пути, которым следовало двигаться дальше. Раскол среди протестантов был только усугублен проникновением в Германию кальвинизма. Более ясный, холодный и практичный, чем лютеранство, он покорял западные страны. Религиозные споры не способствовали примирению конфессий. Добиться компромисса не удалось, вражда стала столь ожесточенной, что лютеране вскоре стали считать приверженцев Кальвина более опасными, чем паписты, а само слово «кальвинист» стало для них ругательством.

Римская церковь, напротив, благодаря Тридентскому собору омолодилась и смогла укрепить свои позиции. Теперь католики думали о том, чтобы вернуть себе потерянное. Их самым ценным орудием были иезуиты — орден,

основанный Игнатием Лойолой и рассматривавший борьбу с еретиками в качестве своей важнейшей задачи. Этот орден был организован бывшим солдатом на основе строжайшей военной дисциплины. Иезуиты отправили в Германию своих агентов; вскоре они завладели не только вниманием католических князей, но и сердцами молодежи в многочисленных созданных ими образовательных учреждениях. Тот, кого слушали князья и молодежь, мог быть уверен в своем будущем. Орден капуцинов также принял участие в распространении католической веры. Жившие по заветам своего основателя, святого Франциска, в бедности и просившие милостыню, капуцины находили путь в самые беднейшие слои населения, но одновременно не пренебрегали и высокой дипломатией. На войне они стремились внушить солдатам религиозное рвение; неслучайно Шиллер изобразил в лагере Валленштейна священника-капуцина.

В то время как протестанты силой захватывали епископства, католические духовные князья точно таким же образом, вопреки гарантиям Фердинанда, вынуждали своих подданных возвращаться в прежнюю веру. Базой Контрреформации на севере Германии были Испанские Нидерланды, правитель которых

Филипп II обеспечил религиозной идее светскую поддержку. Филипп II был главой испанской линии Габсбургов; главой австрийских Габсбургов и императором являлся Максимилиан II, который, напротив, испытывал симпатии к лютеранству и пытался найти компромисс между ним и католицизмом. Однако к кальвинизму и он испытывал отвращение. Эта половинчатость ослабляла его власть и авторитет, он не мог справиться с внутренними проблемами Империи и с ее внешними трудностями. Несмотря на героическую оборону Сегета войсками Зриньи, Максимилиану II не удалось добиться решающего успеха в войне с турками; он практически никак не участвовал в борьбе в Нидерландах, которые формально входили в состав Империи. Князья должны были самостоятельно решать свои проблемы и проблемы своих соседей.

Из-за бессилия Империи в целом росла мощь князей, неважно, какой конфессии они придерживались. Власть императора была со всех сторон ограничена имперскими сословиями. Вопрос военной организации, а также войны и мира решался рейхстагом⁵.

⁵ Рейхстаг — сословно-представительский орган, на котором были представлены курфюрсты, другие имперские князья и города. Собирался

В Имперском верховном суде император мог назначать лишь малую часть судей. Вопросы налогообложения занимались сословия, в церковных вопросах власть императора распространялась только на наследственные земли Габсбургов. Священная Римская империя германской нации превратилась в сословную республику во главе с бессильным монархом. Максимилиан II пытался реформировать военную организацию и усилить свою власть в этой сфере, но на рейхстаге в Шпейере в 1570 году его предложения не были приняты из-за недоверия к нему обеих религиозных партий.

Сословия сами по себе были далеки от единства, конфессиональный раскол привел к острым политическим конфликтам. Кальвинисты и лютеране группировались вокруг двух центров — курфюршество Пфальц и курфюршество Саксония соответственно; они с подозрением смотрели друг на друга. Император смог использовать эти противоречия, чтобы обеспечить своему сыну Рудольфу, выросшему при мадридском дворе, избрание на престол, не делая никаких уступок протестантам.

Император Рудольф II руководствовался в германских делах программой испанских периодически, решал важнейшие вопросы, касавшиеся Империи в целом.

Габсбургов. Он стремился укрепить католицизм, а также свою власть по отношению к сословиям. В его лице стремление к единству выступало против стремления к свободе. Зависимость Рудольфа II от испанского влияния еще больше обострила противоречия; в нем видели не только католика, но и иностранца. Сословия опасались, что Империя станет частью всемирной монархии Габсбургов.

Рудольф II был слабым императором, подверженным страстям и в итоге сошедшим с ума. Однако именно при нем началась масштабная борьба с протестантизмом и княжеской вольницей. В Вене теперь говорили о том, что Аугсбургский мир был заключен не навсегда; это нарушало равновесие в Империи. Самым радикальным борцом был племянник императора, эрцгерцог Фердинанд. Воспитанный иезуитами, набожный и фанатичный, он стремился к восстановлению позиций католицизма. Он силой загонял жителей Штирии, Каринтии и Краины, которыми управлял, в лоно старой церкви. Через иезуитов при Пражском дворе он влиял на императора, который стал действовать в своих землях аналогичным образом.

Столь же жестко Габсбурги действовали в Империи. В городе Донауверт, населенном преимущественно протестантами, возникли

беспорядки из-за того, что по улицам торжественно прошла процессия монахов из единственного маленького монастыря, находившегося поблизости. Имперский придворный совет, нарушив действующий порядок, поручил принять меры в отношении жителей города курфюрсту Максимилиану I Баварскому — другу детства и единомышленнику Фердинанда Штирийского. Баварский курфюрст не только призвал иезуитов и разрешил исключительно католическое богослужение, но и фактически присоединил вольный город к своим владениям.

Подобные злоупотребления побудили нескольких немецких князей объединиться в 1608 году на рейхстаге в Регенсбурге для защиты протестантских интересов. Оказавшись перед лицом католического большинства, к которому примкнул саксонский курфюрст, и не сумев добиться выполнения собственных требований, князя Курпфальца, Бранденбурга, Гессен-Касселя, Ангальта и других территорий покинули рейхстаг, тем самым фактически сорвав его заседания. Этим, однако, дело не ограничилось. В мае того же года в ансбахской деревушке Ахаузен по инициативе Христиана I Ангальт-Бернбургского был заключен союз протестантских князей — Евангелическая уния. Его

целью была совместная защита от любого нападения. Были согласованы военные вопросы, начались переговоры с иностранцами, в частности, с французским королем Генрихом IV.

Ответом католиков стало создание Лиги — союза католических князей во главе с Максимилианом Баварским. Вскоре этот союз сформировал армию, командующим которой стал Иоганн фон Тилли — солдат, закаленный в боях с венграми и турками. Далеко не все протестанты вошли в состав Унии; поскольку во главе последней находился курфюрст Пфальца, курфюрст Саксонии держался в стороне. Точно так же далеко не все католические князья вошли в состав Лиги, и самым крупным исключением являлась Австрия — доказательство того, что усиления власти Габсбургов опасались даже католики.

Так в Империи появились две силы, и любая случайность могла привести к войне между ними. Казалось, что такой случайностью будет спор за наследство в княжествах Юлих и Клеве. Однако именно в этот момент оказался убит человек, державший в руках все нити — Генрих IV, — и опасность войны еще раз миновала.

Долгий период мира, прерываемый лишь склоками местного значения, пошел Империи

на пользу. Выросло количество ее жителей, повысилось их благосостояние. Земля обрабатывалась, и крестьяне радовались хорошим урожаям хлеба, винограда и технических культур, их скот был многочисленным и упитанным. Горожане чувствовали себя в безопасности под защитой стен и башен. Торговля, конечно, не достигла прежнего размаха, торговые пути изменились, а конкуренция со стороны англичан и голландцев ощущалась очень хорошо, так что Ганза, когда-то господствовавшая в морях Северной Европы, все больше отступала. Однако города оставались зажиточными, ратуши и помещения ремесленных цехов были богато украшены.

Мирное время позволяло руководствоваться не только материальными потребностями. Из года в год печаталось все больше книг, начало формироваться и оказывать влияние общественное мнение. Газеты уже не были тем, чем они оставались на протяжении предыдущих ста лет — единичным сообщением об отдельной новости; появилась настоящая периодическая печать, регулярно информировавшая горожан за небольшую плату о событиях европейской политики и торговых делах. Конечно, большую роль играли теологические споры, и иной отец семейства с ухмылкой

разглядывал листовку с сатирической карикатурой или читал памфлет, в котором противника в конфессиональном споре характеризовали далеко не в самых мягких выражениях. Только в одном аспекте все ветви христианства были едины: они верили в возможность сношений с Князем Тьмы, и с тех пор как опасность таких сношений была провозглашена папскими буллами, преследование ведьм приняло характер безумства. В особенности в епископствах по Рейну и Майну это постыдное поветрие привело к бесчисленным жертвам. Люди, называвшие себя христианами, наслаждались сожжением ведьмы как спектаклем. И то, что школьное образование получило в это время более широкое распространение, никак не помогало против суеверий.

В то время имелось много школ, где изучалась латынь. Создавались новые университеты — но они не могли предложить ничего лучшего, чем догматический формализм. Жизнь студентов была наполнена дедовщиной и кровавыми дуэлями. Вкусы простого народа оставались прежними, алкоголь употреблялся в пугающих количествах, и князья подавали в этом пример своим подданным. Столь же грубыми и безыскусными были спектакли, в том числе представления английских

комедиантов, в репертуар которых входили сильно искаленные произведения Шекспира. Скоро их репертуар должен был пополниться драмой о предателе, ставшем жертвой предательства — «генерале Вальштейне».

Рудольф II покровительствовал художникам, увлекался астрологией и алхимией, и в его землях правили иезуиты и камердинеры. Необдуманная жесткость правления могла стоить императору его земель. Венгры, жители Моравии и австрийцы восстали против него. Маттиас, младший брат Рудольфа, был назначен родственниками главой дома Габсбургов, ввиду все более очевидного безумия императора. Ему удалось добиться передачи под его власть всех восставших земель; Рудольфу II в конечном счете остались лишь Богемия и Силезия⁶. Однако и жители этих последних

⁶ Владения австрийских Габсбургов включали в себя так называемые «наследственные земли» (Австрия, Чехия, Венгрия), которые, в свою очередь, состояли из нескольких формально независимых друг от друга территорий. Кроме того, на императорский престол также избирался представитель Габсбургов. Все это считалось в те времена достоянием не одного человека, а всей династии, поэтому несколько ее представителей могли синхронно занимать разные посты. Так, император

провинций вскоре подняли мятеж и в 1609 году добились сословной и религиозной свободы. Потеря земель и необходимость мириться с протестантами лишили Рудольфа остатков разума. С помощью войск своего кузена Леопольда, епископа Пассау и Страсбурга, он хотел вернуть потерянное и восстановить католицизм. Однако в результате он потерял еще и Богемию с Силезией; у него осталась лишь императорская корона, да и та после его смерти досталась победителю — Маттиасу.

Старый и слабеющий Маттиас не мог восстановить единство Империи. Раскол становился все глубже, и рейхстаг 1613 года, последний перед большой войной, закончился односторонним решением, принятым без участия протестантов. Католические эрцгерцоги и испанцы интриговали против императора, который пытался выступать в роли посредника между конфессиями. Маттиас в итоге вынужден был признать Фердинанда Штирийского своим преемником в наследственных австрийских землях Габсбургов.

В этих землях, особенно в Богемии, протестанты уже несколько лет жаловались на

мог еще при жизни передать часть наследственных владений своему преемнику или близкому родственнику.

нарушение тех прав и свобод, которые предоставил им Рудольф II. Самое сильное возмущение вызвал арест жителей Браунау, не желавших отдать католическому священнику свою протестантскую церковь, а также снос пражским архиепископом одного из протестантских храмов. Протестантские сословия собрались и под влиянием графа Генриха Маттиаса фон Турна направили жалобу императору. Когда от последнего поступил отрицательный ответ, они решили показать свое недовольство правительством самым радикальным образом. 23 мая 1618 года около сотни вооруженных рыцарей и дворян ворвались в Пражский замок и выбросили из окна бывших протестантов, а после рьяных католиков — наместников Славату и Мартиница, — а также секретаря Фабрициуса. Восстание было организовано, избрано временное правительство, Турну поручили командование быстро собранным войском. Маттиас был готов к уступкам, однако после того, как он лишился своего главного советника Мельхиора Клесля, император передал богемские дела Фердинанду. Последний заявил, что он скорее потеряет страну, людей и даже жизнь, чем станет терпеть еретиков. В Богемию были отправлены войска под командованием Буко и Дампьера.

Поначалу боевые действия развивались удачно для повстанцев, которым поспешил на помощь храбрый искатель приключений Эрнст фон Мансфельд с несколькими тысячами человек. Был захвачен Пльзень, а Турн вступил на австрийскую территорию. Но Фердинанд, боровшийся за власть после смерти императора, не утратил мужества. Число его врагов росло — Моравия вскоре также присоединилась к восстанию.

Именно в этот момент моравский полковник Альбрехт Венцель Евсевий фон Валленштейн совершил поступок, типичный для его дальнейшей карьеры. Он отказался повиноваться моравским сословиям, сохранив верность монарху. К Фердинанду он прибыл не с пустыми руками — ему удалось привезти в Вену казну моравских сословий. Этот поступок привлек всеобщее внимание, мятежники конфисковали его имения, граф Турн написал в характерном стиле того времени: «Эта придворная бестия потеряла не только честь, но и свое имущество, и даже душу». Фердинанд внешне осудил поступок Валленштейна, заявил, что не хочет иметь отношения к этим деньгам, и распорядился вернуть их владельцам.

2. Детство и юность

Человеку, чья решительность и неразборчивость в средствах позволили ему играть большую роль в то смутное время, было в начале войны 36 лет. Он родился 24 сентября 1583 года — спустя сто лет после Лютера. Его родители были протестантскими дворянами, и их сын появился на свет в поместье Германиц в долине верхней Эльбы. Он был представителем старого чешского рода Вальдштейнов, но мы будем называть нашего героя тем именем, под которым он вошел в историю. Его мать принадлежала к богатой богемской семье Смирицких.

Свое детство Валленштейн провел в бедной деревушке. На двенадцатом году жизни, после смерти родителей, он переселился в Кошумберг, где его дядя Генрих Славата из Хлума вместе с упомянутым выше Вильгельмом Славатой воспитывал его в традиции «богемских братьев». Однако вскоре умер и он — и другой дядя, Иоганн Кавка из Ричан, будучи католиком, отдал мальчика

в иезуитскую школу в Ольмюце. Здесь священник Вейт Пахта смог добиться доверия и расположения мальчика и обратить его в католическую веру. Поначалу этот переход, без сомнения, был чисто внешним. Воспитанник иезуитов демонстрировал свою религиозную независимость, посещая в 1597 году протестантскую латинскую школу в Гольдберге в Силезии, а двумя годами позже поступив в протестантский университет Альтдорф в Нюрнберге.

В университете Валленштейн вел разгульную, бурную студенческую жизнь и являлся одним из зачинщиков всех безобразий. Его склонность к различного рода выходкам вынудила городской совет Нюрнберга приказать ему «удалиться из Альтдорфа и поискать счастья в других местах». Вскоре после этого он предпринял долгое путешествие по Германии, Нидерландам, Англии, Франции и Италии, изучал математику, астрологию и военное искусство в Падуе и Болонье.

За школой наук последовала школа войны. Под командованием Георга Басты он был капитаном в полку графа Турна в Венгрии. В 1604 году при Кашау ему прострелили руку. Он благополучно пережил эпидемию чумы и после заключения мира попытался

сделать карьеру в свите эрцгерцога Маттиаса. Шурин Валленштейна, известный моравский военачальник Карл фон Циротин отрекомендовал его как благонадежного молодого католика с хорошим происхождением и образованием.

Однако, как позднее признавал сам Валленштейн, удачу ему принесла женитьба. Иезуиты опасались, что имущество богатой вдовы Лукреции, урожденной Некеш фон Ландэк, может попасть в руки протестантов. Отец Пахта добился того, что молодой камергер в мае 1609 года стал мужем уже пожилой дамы и владельцем ее имений в Моравии. В качестве благодарности Валленштейн обратил в католическую веру жителей этих поместий. Очевидно, под влиянием своей жены молодой супруг стал уделять больше внимания сотрудничеству с католической церковью — кроме того, тем самым он мог добиться продвижения на службе у Габсбургов. В отличие от многих из тех, кто сменил веру, Валленштейн не стал фанатиком; в течение своей жизни он в большей степени демонстрировал известное безразличие к вопросам религии, почти что толерантность. Имущество супруги позволило ему поддерживать достойный уровень жизни при дворе Маттиаса.

У нас есть примечательный документ, который позволяет нам взглянуть на Валленштейна в его молодые годы, на пороге самостоятельной жизни. Его автор — не кто иной, как великий астроном Иоганн Кеплер. Суеверный богемский дворянин, который на протяжении всей жизни носил астрологический амулет, вступил в переписку с ученым, который — хотя и неохотно — занимался астрологией. В 1609 году Кеплер составил для Валленштейна гороскоп; он сохранился, как и сделанные получателем собственноручные пометки. Самое важное в этом документе — не предсказания (например, о том, что Валленштейн умрет на семидесятом году жизни от лихорадки), а характеристика личности заказчика. Кеплер полагал, что у последнего в характере нет тех черт, которые позволяли бы ему ждать милостей свыше; у молодого дворянина трудолюбивая, но беспокойная натура, интерес ко всему новому. Ему не нравится обычная деятельность, он ищет новых путей, в его голове скрывается нечто большее, чем видно снаружи. Его жизнь проходит под знаком Сатурна, а не Юпитера, что означает меланхолический образ жизни, презрение к обычаям, правилам и даже религии. Бессердечный, лишенный братской и супружеской любви,

алчный, не питающий уважения ни к кому, коварный, молчаливый, порой неистовый — таким ему предстоит идти по жизни. К этому добавляется жажда почестей и могущества, благодаря которой у него появится множество явных и тайных врагов, однако с большинством из них он сумеет справиться.

И действительно, наступало время, когда деятельный человек с железной волей мог приобрести славу и богатство, если он был не особенно разборчив в средствах. Авантюристами становились все вокруг, и даже отпрыски самых знатных семейств искали счастья на военной стезе бок о бок с простыми парнями из городов и деревень.

Брак Валленштейна не продлился и пяти лет. Лукреция умерла, оставив супругу все свое состояние. Это позволило Валленштейну набрать наемников и прийти в 1617 году на помощь эрцгерцогу Фердинанду в войне против Венеции⁷. Вместе с Дампьером ему удалось снабдить провиантом окруженную крепость Градиска. В награду он был произведен в полковники. Добровольная служба создала связь между двумя людьми с принципиально разным характером. Валленштейн, с подвижным

⁷ Австро-венецианская война 1615–1618 гг.

умом, способный быстро реагировать на вызовы времени, полный энергии и воли, эгоистичный и честолюбивый, материалист, однако верящий в связь земных событий с движением небесных тел. Фердинанд, слабый, не склонный к серьезной умственной деятельности, несамостоятельный, игрушка в руках придворных интриганов и духовников, не понимавший духа времени, великий лишь в посте и молитве, единственным стремлением которого было вновь сделать Германию католической, чего бы это ни стоило. На первый взгляд, весьма неравная пара; однако в Фердинанде Валленштейн нашел легитимную власть, способную возвысить человека из низов и фанатичное стремление добиться своих целей — то, что могло помочь ему самому удовлетворить свое честолюбие. Именно поэтому Валленштейн перешел на сторону эрцгерцога — не вполне удачно, поскольку многие его солдаты остались верны моравским сословиям; тем не менее, этот поступок заставил заговорить о нем. Полковник вскоре получил возможность выступить за своего господина во главе кирасирского полка.

Первым успехом, имевшим большое значение для будущего, стало избрание Фердинанда императором. Однако именно в тот момент, когда избрание во Франкфурте состоялось,

богемские сословия сделали еще один шаг вперед, сместили Фердинанда и выбрали себе нового короля — Фридриха V Пфальцского. Более неудачный выбор трудно было сделать. У молодого князя отсутствовали все качества, которые необходимы новому правителю, чтобы укрепить свою власть. Он был элегантным князьком, изящным, приятным в общении, но несамостоятельным, неспособным править, женственным и лишенным энергии. Чехи надеялись на то, что их поддержит вся Евангелическая Уния, а также тесть Фридриха V, английский король Яков I. Однако князья Унии с недовольством смотрели на действия чехов, сохраняли нейтралитет, а Яков был настроен слишком монархически для того, чтобы легко решиться на поддержку мятежа сословий. Император, напротив, смог получить не только испанскую помощь (армия под командованием Спинолы двинулась из Испанских Нидерландов на Пфальц), но пообещал статус курфюрста Максимилиану Баварскому за то, что последний направил войско против мятежника. Фердинанд даже нашел союзника в лагере протестантов — курфюрста Иоганна Георга Саксонского, который поставил свое оружие на службу католическому реакционеру и должен был получить в качестве вознаграждения за это Лаузиц. Тем не менее, к Фридриху

Богемскому примкнули австрийские земли, Лаузиц и Моравия, за него выступил глава силезских князей и сословий маркграф Иоганн Георг Бранденбург-Егерндорфский. Союз с чехами заключил также могущественный князь Трансильвании⁸ (а вскоре и Венгрии) Бетлен Габор — умелый солдат и убежденный кальвинист.

Чтобы защитить Вену от объединенных сил чехов и венгров, императорская армия поспешила из Богемии в Австрию. С ней был и Валленштейн, чей валлонский кавалерийский полк в июне 1619 года решил исход битвы при Цаблате и Нетолице против армии Мансфельда. В городке Хорн, где собрались австрийские сословия, Валленштейн пригрозил протестантам, к которым принадлежало и большинство его родственников, жестоко отомстить за конфискацию моравских имений.

Католическое восстание в Венгрии вынудило Бетлена Габора уйти от Вены, Максимилиан Баварский с войсками Лиги вошел в австрийские земли. Богемская армия была плохо организована и так же плохо снабжалась; старый гуситский дух умер, отсутствовало единое командование, и катастрофа была неизбежна. В битве на Белой Горе под

⁸ Трансильвания находилась в вассальной зависимости от Османской империи.

Прагой Христиан Ангальтский и Турн были за два часа полностью разбиты Вердуго и Тилли. Фридрих V прямо от праздничного стола поспешил в Бреслау; теперь он стал «зимним королем», предметом насмешек.

Полковник Валленштейн летом 1620 года заболел настолько сильно, что его жизнь оказалась в опасности. Сам он называл в качестве причины избыточное потребление спиртного. В решающей ноябрьской битве он не участвовал. После выздоровления ему было поручено привести города северной Богемии в повиновение императору. Валленштейн выполнил это с такой энергией, что по стране пошла о нем соответствующая слава.

В следующем году Валленштейн впервые самостоятельно командовал армией, направленной против Бетлена Габора и маркграфа Егерндорфского. Произошло несколько небольших стычек, в которых он продемонстрировал личное мужество и даже захватил несколько знамен. Тем временем переговоры привели к заключению мира в Никольсбурге. Валленштейн вернулся и был назначен «полковником Праги» — то есть главнокомандующим в Богемии.

Фердинанд яростно мстил мятежникам. Не только явные вожди восстания, но и тот, кто

в последние годы занимал хоть какую-либо должность, объявлялся бунтовщиком. Тысячи уважаемых семейств были вынуждены эмигрировать. Около 500 имений — три четверти всего королевства — были конфискованы, 27 руководителей сословий казнены. Были призваны иезуиты, а протестантские священники изгнаны. Солдаты принуждали жителей идти на мессу. Частью конфискованных имений Фердинанд щедро наградил своих сторонников, остальные были проданы за низкую цену. Валленштейн, активно покупавший земли, приобрел несколько имений, которые оценивались в 970 тысяч талеров, за 686 тысяч. Так он создал основу своего богатства. Его главным владением стали имения Фридланд и Рейхенберг, ранее принадлежавшие Христофу фон Редерну, бежавшему в 1620 году в Польшу. Валленштейн купил их у императора за 150 тысяч гульденов. За голову своего предшественника он в 1625 году назначил награду в 5 тысяч талеров. Владения Валленштейна простирались по всей северо-восточной Богемии, его резиденциями были Гичин и Фридланд⁹.

⁹ Современные чешские названия — Йичин и Фрыдлант.

В целом Валленштейн приобрел имений на 4,6 миллиона гульденов, после чего продал некоторые из них за 2,7 миллиона. Оставшиеся владения обошлись ему в 1,9 миллиона гульденов, при этом его долги составляли лишь 300 тысяч. Примечательно, что в эти расчеты Валленштейн включил оплату своих полков и ссуды, выданные императору.

Другим источником обогащения была для Валленштейна порча монет, которая началась еще при «зимнем короле», однако теперь приняла пугающие масштабы. Обычно из одной марки серебра чеканились 19 гульденов. Когда в 1622 году правительству понадобились большие суммы денег, чтобы выплатить солдатам задержанное жалование, оно за шесть миллионов гульденов предоставило частному консорциуму монопольное право на чеканку монеты в Богемии, Моравии и Австрии. Консорциум получил право чеканить из одной марки серебра 79 гульденов. Прибыль была огромна, но члены консорциума, среди которых был и Валленштейн, на практике чеканили гораздо худшую монету. При этом Валленштейн, получавший из марки 123 гульдена, был еще не самым большим обманщиком — другие чеканили по 247 и даже 440 гульденов. Последствия этой политики были весьма

далеко идущими, недовольство ею скоро стало всеобщим.

Император вернул контроль над своими наследственными землями; казалось, буря улеглась. Однако указ об изгнании Фридриха V, последовавший без согласования с курфюрстами, четко показал, что Фердинанд не удовольствуется отвоеванием Богемии, а постарается поразить врага на его территории. Так началась новая война — на западе Германии, за Курпфальц. «Зимний король» из Силезии через Берлин бежал в Гаагу. Уния, члены которой вовсе не стремились к самопожертвованию, развалилась, Пфальц был беззащитен перед врагом. В этот момент три авантюриста начали свою деятельность.

Эрнст фон Мансфельд выдвинулся в Нижний Пфальц, чтобы очистить его от испанцев; на деле этот освободитель вел себя по отношению к местному населению не лучше захватчиков, лишь запретив своим солдатам забирать мельничные жернова. Маркграф Георг Фридрих Баденский был единственным из членов Унии, кто вступился за Пфальц; но для того, чтобы не подвергать свои земли опасности, он отрекся в пользу сына. Третьим протестантским полководцем был пришедший с севера 22-летний юноша, храбрый и страстный

герцог Христиан Брауншвейгский, правитель епископства Хальберштадтского. Уже реставрация Фердинанда в Богемии заставляла его бояться за свое протестантское епископство, однако главным мотивом было стремление оказать услугу супруге Фридриха V, своей кузине. Он закрепил на шлеме ее перчатку, поклявшись вернуть ее королеве в Праге. Тилли потерпел тяжелое поражение у Визлоха, однако затем соединился с испанцами и при Вимпфене разбил маркграфа Баденского, от которого отделился Мансфельд. Затем Тилли двинулся навстречу юному Христиану и разбил его в кровавой битве при Хёхсте. Вскоре был захвачен весь Пфальц, Гейдельберг взят штурмом, его прекрасная библиотека преподнесена Максимилианом Баварским в подарок папе. Кальвинисты были изгнаны, княжество систематически опустошалось. Мансфельд и Христиан отступили в Голландию, последний оттуда продолжил путь в Нижнюю Саксонию.

На востоке кладбищенская тишина, царившая здесь после кровавой мести Фердинанда, сменилась новыми боевыми действиями. Бетлен Габор под натиском графа Турна и маркграфа Егерндорфского заключил союз с турками и потребовал, чтобы Христиан

Брауншвейгский не позднее начала июля 1623 года с несколькими тысячами немецких солдат вторгся в Силезию и Моравию и соединился там с венгерскими войсками. Однако этот поход Христиана столкнулся со сложностями, он оказался вынужден повернуть против Тилли и потерпел поражение при Штадтлоне неподалеку от Мюнстера. Однако Бетлен Габор продолжал следовать своему плану.

В Вене видели происходящее, однако вели себя с непонятной беспечностью, которую Валленштейн осуждал даже годы спустя. В сентябре 1622 года император сделал его пфальцграфом, дав ему тем самым право жаловать дворянский титул и назначать чиновников. Теперь Валленштейн собирался жениться на Изабелле Катарине Харрах — дочери Карла фон Харраха, одного из ближайших советников Фердинанда. Его избранница отличалась умом и изяществом. Все считали Валленштейна будущим главнокомандующим в новой венгерской кампании, однако против него действовало испанское влияние. Филипп IV предоставил в распоряжение своего австрийского племянника генерала Иеронима Караффу. В качестве компенсации друга Валленштейна добились для него у императора княжеского титула.

Бетлен Габор вынудил императорское войско встать лагерем в Гёдинге, чтобы дожидаться там подкреплений. Вскоре армия, однако, оказалась окружена, снабжать ее становилось сложнее день ото дня, корма для лошадей не осталось совсем. Когда полковник Тифенбах принес весть о польской помощи, которую направил король Сигизмунд, было принято решение оставаться на месте вопреки надвигавшемуся голоду. Только благодаря величайшим усилиям — в первую очередь лично Валленштейна — удавалось вообще удержать императорскую армию от распада. Через своего тестя князь направлял императору практические предложения по снабжению и деблокированию окруженной армии, а также по обороне Богемии.

У Валленштейна были все основания жаловаться на неумелые действия Вены, и он советовал заключить с Бетленом Габором перемирие. Даже если последний и заявлял во всеуслышание, что день святого Мартина¹⁰ будет праздновать в Праге, в реальности он был готов к переговорам — турки обычно отправлялись домой в конце октября, и он опасался остаться в одиночестве. В конце концов, окруженным удалось спастись этим путем.

¹⁰ 11 ноября.

Блестящие советы и энергия Валленштейна позволили ближайшим помощникам императора — Харраху, Эггенбергу и другим — рекомендовать его на пост командующего императорской армии в новой кампании. У нас есть описание Валленштейна этого периода, оставленное итальянцем Гуальдо Приорато. Валленштейн был высокого роста, худощавого, однако крепкого телосложения. Его лицо было овальным, желтоватого цвета; лоб высокий и властный, нос короткий, с горбинкой. Волосы — в то время темные, потом поседевшие — он коротко подстригал спереди, по сторонам были длинные курчавые локоны. Он носил усы и узкую бородку клином. Его черные глаза были полны огня и жизни, пронизывающий взгляд внушал окружающим страх и почтение. Выражение лица было скорее холодным и отталкивающим. Его манеры показывали твердость, и даже в кругу друзей он не расслаблялся. В ярости он мог выйти из себя и невольно раскрыть свои сокровенные мысли.

Со своей второй супругой Валленштейн жил в счастливом браке, всегда был полон внимания и заботы, на которую она отвечала настоящим поклонением. Сохранилось лишь несколько писем Изабеллы мужу, однако их можно назвать образчиком преданности

и верности. Ее перо вдохновлялось нежной страстью к «любимому всем сердцем господину», она с радостью получала его «любезные письма», вновь и вновь заверяла, что будет с ним в жизни и смерти. Когда он болел, она хотела хотя бы на час оказаться рядом, сидеть на земле рядом с его ложем и «не желать ничего большего на свете, чем видеть его и быть уверенной в его любви». К сожалению, ни одно письмо Валленштейна жене не сохранилось. В июне 1625 года Изабелла подарила мужу дочь, Марию Элизабет, которая позднее вышла замуж за графа Кауница.

Так обычный дворянин фон Вальдштайн превратился в князя Фридландского. Моравские владения ему больше не принадлежали, лишь гроб с телом своей первой супруги он перевез на новую родину. Однако в Богемии в его руках находилось княжество, управление которым могло служить образцом ведения хозяйства. Власть Валленштейна была столь велика, что с ним приходилось считаться. Неудивительно, что вскоре он стал вызывать у других зависть и недовольство. В особенности его отношение к религии возмущало истовых католиков. Он не слишком усердно выполнял строгие предписания императора, требовавшие бескомпромиссно бороться

с протестантизмом. Более того, он приглашал в свои имения протестантов — искусных ремесленников, если они могли оказаться ему полезными. Иезуиты жаловались на него, богемский наместник князь Лихтенштейн посылал ему раз за разом строгие предупреждения, но Валленштейн не одобрял жестокое преследование протестантов. Однажды он написал Карлу фон Харраху: «Я прошу прекратить в Богемии столь жестокие действия против лютеран, поскольку это вредно для власти и выгодно только иезуитам; если дела пойдут плохо, иезуиты найдут другую коллегия, но император не найдет другой страны». Валленштейн думал не только о себе, но и об упрочении власти императора.

3. Создание армии

Изгнание Пфальцского князя и незаконная передача его курфюршеского достоинства Баварии взбудоражили всю Европу. Это была «революция сверху», основы устройства Империи были потрясены, абсолютизм императора внушал опасения не только немецким князьям. Самые очевидные мотивы вмешаться имел английский король Яков I, зять изгнанника. Он обратился к французам, которые вскоре под уверенным руководством величайшего государственного деятеля своего времени, кардинала Ришелье, двинулись традиционным курсом борьбы против Габсбургов. Яков I поддержал деньгами Мансфельда и герцога Брауншвейгского, а также договорился с Голландией.

В игру вступила и новая держава на севере Европы, притягивавшая к себе все взгляды. Молодой и пылкий шведский король Густав Адольф из династии Ваза создал могучую армию и вел борьбу с польским королем, претендовавшим на его трон. Польский король был тесно связан

с австрийскими Габсбургами и пользовался их поддержкой. Поэтому Густав Адольф с самого начала внимательно следил за восстанием протестантских сословий в габсбургских землях; имелись у него и родственные связи с правителем Пфальца. В силу этого шведский король планировал масштабную борьбу против Габсбургов под своим руководством; он собирался вторгнуться в Силезию и заключил перемирие с поляками. Однако западным державам его планы казались слишком дорогими и масштабными; кроме того, они были заинтересованы в первую очередь в борьбе против Испании. Для войны в Империи они нашли другого военачальника — храброго и энергичного соперника Густава Адольфа в борьбе за господство на Балтике, датского короля Христиана IV, дядю Елизаветы, стремившегося завладеть некоторыми северогерманскими землями. Густав Адольф в связи с этим предпочел не вмешиваться, возобновить войну с поляками и терпеливо дожидаться, когда придет его час.

К трем протестантским державам — Англии, Голландии и Дании — присоединились три католические. Когда испанцы, действуя из Милана, закрепились в Вальтеллине¹¹, это по-

¹¹ Вальтеллина на севере Италии была стратегически важной территорией, поскольку через нее

будило Венецию, Савойю и Францию заключить против них союз. Теперь практически вся христианская Европа воевала против Габсбургов.

Тилли после победы над Христианом Браншвейгским остался в Нижней Германии, где его армия господствовала неограниченно. Маленький валлон, ученик и приверженец иезуитов, он провозгласил Богоматерь своей дамой сердца, служил ей как монах, ее портрет был на его знаменах. Тилли целенаправленно боролся за победу католицизма. Вскоре он начал принимать меры, которые продемонстрировали местным сословиям эту цель; стало ясно, что Габсбурги и Лига не собираются ограничиваться наказанием Пфальцского князя, а стремятся к искоренению протестантизма и установлению неограниченной императорской власти. Передав своему сыну Леопольду епископство Хальберштадт, император тем самым хотел создать себе надежный оплот в Нижней Германии. Местные князья оказали сопротивление этому плану; их возглавил датский король, который одновременно являлся герцогом Гольштейнским. В ре-

проходила «испанская дорога», связывавшая владения испанских и австрийских Габсбургов.

зультате Нижняя Германия стала ареной новой мировой войны.

Войск Тилли было недостаточно для того, чтобы обеспечить победу Лиги. В связи с этим Максимилиан Баварский обратился к императору с просьбой о поддержке. Однако в распоряжении Фердинанда было очень мало как солдат, так и денег; в условиях дурного управления проведенные конфискации протестантских имений не принесли большой пользы. Император оказался не в состоянии создать армию за свой счет и вынужден был искать предпринимателя, который помог бы ему в этой ситуации.

Именно в этой роли выступил Валленштейн. Он уже на протяжении некоторого времени предлагал умножить императорскую армию. Как только ситуация в Венгрии или на венецианской границе становилась тревожной, он предлагал Фердинанду свою помощь. 7 апреля 1525 года император наконец назначил князя Фридландского главой всех императорских войск в Империи и Нидерландах. Было принято решение довести численность шести старых полков до 3000 человек каждый, пополнить имевшиеся 24 конные роты и завербовать 15 тысяч человек пехоты и 6 тысяч конных. История о том,

что на вопрос, сумеет ли он набрать 20 тысяч человек, Валленштейн ответил, что наберет пятьдесят, является выдумкой. Однако вербовка началась незамедлительно, и 13 июня 1525 года князь получил за свои заслуги герцогский титул, а месяц спустя генеральское звание. Вскоре после этого ему были подчинены войска в Италии и Верхнем Эльзасе, его месячное жалованье было установлено в две тысячи гульденов; спустя несколько лет оно составляло уже шесть тысяч.

Императорская инструкция повелевала ему поддерживать в армии строгую дисциплину, жестоко пресекать разбой и поджоги, чтобы не навлекать на себя гнев Господа. Свое войско численностью в 24 тысячи человек он должен был направить против Мансфельда, стараясь одновременно не превратить друзей и колеблющихся во врагов несвоевременной строгостью. Чтобы лишить противника повода заявлять о подавлении религиозной свободы, Валленштейн должен был предоставить всем, кто примкнет к императору, право выбора в соответствии с условиями Аугсбургского мира. Была ли эта уступка проявлением страха Фердинанда перед поражением или ее выторговал новый генерал, являвшийся гораздо более умелым политиком?

Захваченные орудия и снаряды принадлежали императору, половина добычи после сражения или покорения города должна была идти на выплату жалованья, остальным распоряжался военачальник. Без особого приказа императора Валленштейн не имел права опустошать города и местности либо требовать с них выкуп; он должен был сперва доложить Фердинанду о том, что неповиновение следует наказать, и ждать высочайшего решения. Однако ему разрешалось «в захваченных городах и местностях взимать умеренные контрибуции для довольствования солдат»; они точно подсчитывались и затем вычитались из солдатского жалованья. Он должен был поддерживать переписку с союзными князьями и полководцами, советоваться с Тилли в случае объединения императорской и лигистской армий. В качестве ближайшего помощника ему был придан Иоганн Альдринген, валлон, служивший испанцам в Италии, а затем с момента богемского восстания находившийся в рядах императорской армии.

В июне началась вербовка солдат. Венский двор не потратил на это ни копейки; войска были наняты на средства Валленштейна и его полковников. Эта армия была никак не связана с государством, которому служила. Они

были ландскнехтами, война для них — ремеслом, только более выгодным, чем другие ремесла. Конечно, далеко не лучшие представители рода человеческого нанимались в армию: это была челядь, люди, которым было тесно в обычной жизни, те, кто потерял все нажитое из-за войны. Многие молодые дворяне служили рядовыми, получая двойную оплату; каждый мог дослужиться до высокого поста. Наемникам было все равно, на чьей стороне сражаться — они служили тому, кто платил больше. Вопросы императорской власти и религиозной борьбы не волновали их ни в малейшей степени.

Получив деньги на вербовочном пункте, солдаты отправлялись на плац, где формировались полки. Конницу образовывали носившие доспех кирасиры и аркебузиры, называемые также кроатами и вооруженные аркебузами, иногда копьями. Легкая кавалерия была особенно выдающейся частью армии Валленштейна. Пехота состояла из пикинеров и мушкетеров; драгуны передвигались верхом, а перед боем спешивались. Единообразного оружия и обмундирования не было, каждый носил то, что у него было или что он захватил у противника. Одни были одеты в лохмотья, другие — в пышный шелковый костюм

с золотыми нитями. Меч превратился в шпагу, шлем остался только у кирасиров, остальные носили шапку или шляпу с пучком петушиных перьев, которые за провинность отнимали. Только в ходе войны возникла потребность в униформах. Поначалу соратники опознавали друг друга в бою по цвету нарукавных повязок или по зеленой ветке на шляпе.

Тактическим подразделением был «флажок», или рота, которую в кавалерии называли обычно «корнетом». В «корнете» должно было быть 100 человек, во «флажке» — 300, но реальная численность составляла в среднем от 70 до 130. Офицеры не особенно стремились пополнять свои подразделения, поскольку деньги за «мертвых душ» они могли спокойно класть себе в карман. От пяти до десяти рот составляли полк, численность которого в результате могла колебаться в широких пределах.

Артиллерия занимала в этой армии особое положение. Людей, которые умели бы обращаться с орудиями, найти было не так просто, как обычных солдат. Сами орудия стоили гораздо дороже, чем пика или аркебуза, и были очень малоподвижны на поле боя. Неудивительно, что значение артиллерии было еще невелико. Валленштейн уделял этому роду

войск особое внимание, потратив сотни тысяч гульденов на его развитие. По примеру Густава Адольфа он придавал каждому пехотному полку по два легких орудия. Поэтому Валленштейн по сегодняшний день считается отцом-основателем австрийской артиллерии. Сами орудия были очень различными по типу и размеру; каждое из них имело свое имя, часто указывавшее на его калибр.

Офицерского корпуса в современном смысле слова не существовало. Офицерами часто называли всех, кто не относился к рядовым, в том числе музыкантов. Только в ходе войны, когда качество солдат сильно упало, значение офицеров выросло. Капитанов можно было узнать по протазану, лейтенантов — по алебарде. Полковники почти самовластно правили своими полками, поскольку являлись в известном смысле слова их собственниками. Они на свои деньги набирали и экипировали солдат, только коней кавалеристы должны были приводить с собой. В результате их значение выходило за пределы чисто командирской функции. Четко упорядоченной системы военных званий не существовало, полковники играли роль генералов, генералы были полковниками набранных ими полков. Продвижение по службе тоже происходило

бессистемно, на основе заслуг или просто расположения командующего. Валленштейн не признавал в этом вопросе никаких рекомендаций, даже императорских патентов. Его офицеры своими манерами не отличались от солдат, тем более что иные из них были в прошлом конюхами. Если их приглашали ко двору, приходилось сначала объяснять им основы приличного поведения.

Средства на содержание армии император должен был обеспечивать за счет контрибуций со своих наследственных земель. Для этой цели были назначены специальные комиссары. Как и ландскнехты XVI века, солдаты Валленштейна должны были подчиняться специальному уставу, напоминавшему уставы ремесленных цехов. В каждом полку был свой судья. Муштра была достаточно тяжелой и сложной; наука обращения с пикой насчитывала 21 прием, с мушкетом — целых 143! В бой пехота вступала по испано-венгерскому образцу большими квадратами, по углам которых находились небольшие, также квадратные, конные отряды. Такая формация, называвшаяся батальоном, напоминала подвижную крепость. Тяжеловесная и медленная, она имела большую ударную мощь. Обычно на поле боя действовали три эшелона, по

четыре таких батальона в каждом, образуя большой четырехугольник. Валленштейн не пытался изменить эту старую систему; он был последним полководцем, применявшим ее, и в известной степени довел ее до высшей и конечной точки развития. Будущее принадлежало менее глубоким и более гибким боевым порядкам, которые ввел Густав Адольф на основе нидерландской школы.

Состав армии Валленштейна был поистине интернациональным: итальянцы, голландцы, французы, испанцы, шотландцы, ирландцы, венгры и поляки сражались бок о бок с немцами. Неудивительно, что в полевых лагерях вскоре сформировался свой собственный, особый язык. Вечерами солдаты сидели у костров, играли в кости, «пили табак» и обсуждали, куда они отправятся на следующий день и удастся ли там хорошо пограбить. Обсуждали и тайные средства, позволявшие сделать человека неуязвимым для огня и металла и нечувствительным к морозам. Это называли «пассауским искусством» и рассказывали чудесные истории. Многие солдаты носили амулеты, головы летучих мышей или заколдованные рубахи; о других говорили, что они заключили договор с дьяволом и их можно убить только серебряной пулей, деревянным

колом или мечом палача. Валленштейн тоже считался неуязвимым, а шпага Густава Адольфа — заговоренной. При каждом полке был капеллан, однако его влияние было невелико. Эти пастыри не только не оказывали смягчающего воздействия на нравы своей паствы, но иногда подавали ей самый дурной пример. У многочисленных протестантов в императорских полках, разумеется, духовников не было.

Самым страшным бедствием для тех земель, по которым проходила армия, был чудовищный обоз, который также снижал боеготовность войска. Жены и дети солдат, бродяги, слуги, возничие следовали за армией с бесчисленными повозками, лошадьми и скотом. У наемника не было дома, и он возил с собой семью и имущество. В 1632 году при армии Валленштейна под Нюрнбергом насчитывалось 15 тысяч женщин! Чтобы поддерживать порядок среди них, назначались специальные служащие, то и дело пускавшие в ход палку. Этот арьергард уничтожал все, что не успевали разрушить или забрать с собой солдаты. Чем дольше продолжалась война, тем более совершенным становилось «искусство» поиска кладов, спрятанных местными жителями, и более жестокими — средства, с помощью которых у крестьян

и горожан вырывались признания. К примеру, несчастным протыкали язык шилом, продавали через дырку конский волос и дергали за него до тех пор, пока те не признавались, где спрятали свое имущество. Другим натирали подошвы солью и приводили коз, которые слизывали соль, пока люди не умирали от щекотки. Все, что солдаты не могли взять с собой, они уничтожали. Шлюхи одевались в церковные облачения, колокола отдавали на металл артиллеристам. Армия оставляла за собой дымящиеся руины и обобранные трупы; вокруг нее вились группы мародеров, превращавшиеся иногда в большие организованные разбойничьи шайки.

На содержание армии требовались чудовищные суммы. Император, доходов которого едва хватало на двор и чиновников, не мог себе этого позволить; более того, порой он вынужден был просить своего командующего выделить ему часть денег из контрибуций. Так, в 1625 году один из его чиновников ждал поступлений от Валленштейна, «как евреи Мессию». В ходе первого периода своего командования герцог Фридландский потратил на вербовку солдат больше 600 тысяч гульденов. Его имения поставляли ему многое из того, что было необходимо для снабжения

армии. Вниз по Эльбе он отправлял хлеб, его металлургические заводы выпускали тысячи пуль, подков и лопат, а Фридландская пороховая мельница снабжала его порохом; холст и ткань для солдатской одежды также производились в поместьях Валленштейна.

Офицеры получали свое жалованье, как правило, звонкой монетой; в 1625 году полковнику было положено 500 гульденов в неделю, капитану — 100, лейтенанту — 40–50, капеллану — 8. Рядовые редко получали жалованье деньгами — обычно с ними рассчитывались продуктами, причем нередко их приходилось добывать самостоятельно. Ежедневная «порция» составляла в среднем два фунта хлеба, полтора фунта мяса, две меры пива.

31 июля Валленштейн прибыл в Эгер, где был устроен смотр его армии. 3 сентября он начал свой поход с целью подчинить Германию императору, сломить любое сопротивление, лишить князей самостоятельности, сословия — их прав, города — их свобод. На руинах должен был подняться к новому величию дом Габсбургов.

В июле 1625 года Тилли уже начал по приказу баварского герцога боевые действия, не дожидаясь подхода императорской армии. Полки Валленштейна разными дорогами

прошли по Франконии, Тюрингии и Гессену к реке Верре, опустошая земли друзей и врагов. Единственным способом избавиться от них была выплата крупных сумм; так, Нюрнбергу удалось откупиться за 100 тысяч гульденов. Впервые в распоряжении императора имелась армия, подчинявшаяся ему одному, и использовать ее предполагалось не только для победы над врагами, но и для ограничения амбиций Лиги и герцога Баварии. К Валленштейну был направлен один из высших императорских чиновников, Рамбольд Коллальто, которому был присвоен ранг фельдмаршала и дано поручение не дать Тилли утвердиться в епископствах Хальберштадт, Магдебург и Бремен, заняв их под предлогом необходимости возмещения расходов.

Наступая через Эшвеге и Гёттинген, Валленштейн в середине октября соединился с Тилли, однако лишь на короткое время. Они договорились, что войско герцога Фридландского будет действовать справа от армии Лиги. Валленштейн направил десятитысячный отряд под командованием богемского графа Генриха Шлика, который после поражения при Белой Горе стал ревностным католиком и сторонником императора, чтобы занять Хальберштадт. Оставшуюся часть своей армии герцог

Фридландский разместил в богатом епископстве Магдебургском, под предлогом необходимости прикрыть наследственные земли Габсбургов, которым мог вновь угрожать Бетлен Габор. Солдаты Тилли на всю зиму остались в Брауншвейге, страдая от многочисленных тягот. Солдаты Валленштейна, напротив, вели шикарную жизнь за счет оккупированных областей, даже не утруждая себя получением согласия императора на взимание контрибуций. Разрешенные им «умеренные поборы» стали вскоре неумеренными, способ их взимания — невыносимым. Ожесточение крестьян росло и при случае выплескивалось наружу. Когда 300 кавалеристов из армии Валленштейна были захвачены врасплох и по большей части перебиты Христианом Брауншвейгским, крестьяне забили дубьем сотню взятых в плен. При этом Валленштейн поддерживал в своей армии порядки столь суровые, что в ее рядах ширилось недовольство, возникала угроза дезертирства и мятежа. Со своими офицерами командующий также обращался так резко и высокомерно, что заслужил прозвище «тирана». В народе его называли вешальщиком или герцогом палачей. С фельдмаршалом Коллальто он поссорился настолько серьезно, что тот без разрешения

покинул армию и удалился в Богемию. На его место был назначен Маррадас, в то время как Валленштейн предлагал кандидатуры протестантов. Несмотря на большие контрибуции с Хальберштадта и Магдебурга, командующий требовал от императора деньги на содержание армии и оценивал свои собственные расходы, подлежащие возмещению, в два миллиона гульденов.

При всей жестокости в армии, однако, поддерживался известный порядок. Валленштейн не хотел полного разорения горожан и крестьян, чтобы не лишать себя возможности взимать контрибуции. Он принял меры к тому, чтобы поля были засеяны, а посевы охранялись. Леопольд фон Ранке писал о том, что Валленштейн соединял командование армией с экономически грамотной оккупационной политикой, фактически играя по отношению к оккупированным территориям роль правителя.

До серьезных боевых действий в это время дело не дошло. При осмотре крепостных сооружений Гаммельна Христиан Датский упал с коня в глубокий крепостной ров и получил серьезные травмы, угрожавшие его жизни; его армия после этого отошла. Датчане и князя Нижней Саксонии начали в Брауншвейге

мирные переговоры с Валленштейном и Тилли, которые продолжались до марта 1626 года, однако, к радости придворных католиков в Вене, закончились ничем.

Только после этого боевые действия приняли более активный характер. Эрнст фон Мансфельд, против которого по инструкции должен был действовать Валленштейн, соединил свое набранное на английские и французские деньги войско с датской армией на нижнем Везере. Уже в декабре 1625 года Валленштейн опасался, что Мансфельд двинется через Бранденбург в Силезию и тем самым перенесет войну в наследственные земли Габсбургов. Там он мог бы соединиться с Бетленом Габором и тем самым вынудить императора отозвать Валленштейна из северной Германии, где Христиан Датский мог бы после этого действовать более уверенно против Тилли. В связи с этим герцог Фридландский неустанно продолжал вербовки, доведя численность своей армии до 35 тысяч человек пехоты и 17 тысяч конницы. Многие солдаты и офицеры перешли к нему из армии Тилли, соблазнившись лучшими условиями. Это обострило и так существовавшие между двумя военачальниками разногласия. Они отправляли друг другу требования, которые оставались

невыполненными. Валленштейн не двинулся на Везер навстречу Тилли, чтобы быть ближе к наследственным землям Габсбургов; Тилли не пошел на Эльбу к Валленштейну, чтобы не оставлять без прикрытия католические княжества Лиги. Однако на стороне герцога Фридрихландского было неоспоримое преимущество — он опирался на авторитет императора. В итоге Тилли с большой неохотой пришлось подчиниться.

Христиан Датский решил перейти в наступление и охватить императорские и лигистские армии. На его левом крыле должен был действовать Мансфельд, планы которого Валленштейн разгадал совершенно правильно. Не обращая внимания на нейтралитет бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма, Мансфельд прошел через его княжество, а по левому берегу Эльбы двинулся датский полковник Фукс. Однако прежде, чем они смогли объединить свои силы, Фукс был отброшен Валленштейном на Тангермюнде. Мансфельд двинулся через Цербст на юг; там, у Дессау и Рослау, отряд армии Валленштейна под командованием Альдрингена занял мост через Эльбу и укрепил подступы к нему. Мансфельд попытался взять эти укрепления штурмом, однако безуспешно. Получив сведения

о происходящем, Валленштейн немедленно выслал вперед Шлика с частью своей армии и двинулся с оставшейся частью следом. С ним был его верный друг Герхард фон Квестенберг, которого император направил, чтобы тот служил посредником между герцогом Фридландским и Тилли.

25 апреля бывшие соратники по кампании 1604 года стояли друг против друга. Императорская армия, пользуясь своим численным превосходством, атаковала сплассдарма, два ее полка ударили Мансфельду во фланг из леса, и исход сражения вскоре был решен. Победоносный Валленштейн захватил 36 знамен, два штандарта, четыре мортиры. Конница Изолани преследовала бегущего противника до Цербста. Валленштейн приказал построить в память об этой победе монастырь на горе Бёзиг в Силезии и изобразить битву на гравюре, которая впоследствии должна была послужить основой для церковной росписи.

Однако вскоре победа оказалась омрачена разногласиями. Граф Шлик считал, что Валленштейн его оскорбил. Последний, узнав, что Альдринген поддерживает дружескую переписку с Коллальто, устроил бурную сцену, не выбирая выражений и грозясь отбить у «чернильных душ» охоту к письму. Хотя потом он

попросил у Альдрингена прощения, тот сделал все, чтобы дискредитировать своего командующего в глазах императора. В этом его поддерживала клика, ряды которой быстро пополнялись. Говорили, что командующий скоро покинет свой пост.

Валленштейн действительно думал об отставке. Денег на ведение войны не хватало, он вновь и вновь писал в Вену, что набрал армию на собственные средства, влез в долги, а теперь при дворе считают, что он должен и воевать за собственный счет! Кроме того, он жаловался на Тилли, от которого не получал никакой поддержки и который якобы тиранил его. На претензии в свой адрес Валленштейн отвечал: «Я не упускаю ничего из того, что может пойти на пользу Вашему Величеству. Если бы я думал о спасении собственной души столько же, сколько об интересах императора, мне бы не грозило даже чистилище, не то что ад! Если меня хотят оставить на службе, пусть мне предоставят делать то, что я считаю нужным для пользы императора. Если бы честь не требовала от меня оставаться этим летом на своем посту, я бы покинул его». Так он писал в Вену; больше всего его печалило то, что его противники добились расположения императора. «Если наградой

за долгую, верную и полезную службу станет лишь позор, он от всего сердца пожалеет, что пошевелил хоть одним пальцем ради Австрийского дома».

Валленштейн не стал дальше преследовать противника, полагая, что Мансфельд отказался от своего плана направиться в Силезию. Он также не доверял саксонскому и бранденбургскому курфюрстам, и не без основания. Кроме того, полковник Фукс закрепился в Тангермюнде, и лазутчики сообщали, что датский король продвинулся до Вольфенбюттеля и собирается дать сражение. Валленштейн думал о том, чтобы привести в действие старый план — пересечь Эльбу и двинуться в Гольштейн. Для этого ему, однако, нужна была поддержка Тилли; герцог Фридландский предложил последнему выдвинуться на Эльбу и при поддержке нескольких тысяч императорских солдат начать наступление на север по левому берегу реки, в то время как сам Валленштейн двинется по правому. Однако Тилли по желанию своего господина сперва осадил Минден, взял его штурмом и перебил не только гарнизон, но и значительную часть горожан.

Валленштейн бездействовал, дожидаясь, пока на полях вырастет корм для лошадей,

а его армия получит достаточно денег, хлеба и боеприпасов. После того как протестантский лагерь понес большую потерю в виде внезапной смерти Христиана Брауншвейгского, Валленштейн и Тилли встретились в Дудерштадте и наконец договорились о наступлении по обоим берегам Эльбы. Тем временем герцог Фридландский продолжал активную вербовку в императорскую армию, особенно в южной Германии, где его офицеры пускали в ход все возможные средства. Особенно плохо приходилось населению тех земель, где уже на протяжении многих месяцев были расквартированы солдаты Валленштейна. Город Галле, где некоторое время находилась главная квартира Альдрингена, был полностью истощен, однако обязан выплачивать 8500 гульденов в неделю. Когда это не получилось сделать, члены городского совета были брошены в темницу; когда они осмелились пожаловаться на это императору, Валленштейн потребовал от них еще 4000 дукатов в качестве наказания. Приказы императора уже не имели никакой силы; Германия от Эльбы до Рейна была вынуждена склониться перед мечом победоносного полководца. Тяжеловесная конструкция Империи зашаталась, по праву сильного власть императора

ограничила суверенитет князей. Католические княжества страдали в той же мере, что и протестантские, и их правители слышали от Валленштейна в утешение одни и те же слова: лучше владеть разоренной страной, чем вообще никакой.

4. На вершине успеха

В походе Валленштейн обычно носил льняной камзол, красные штаны, пурпурную верхнюю одежду, красную повязку — такая же была у всех императорских солдат — и красное перо на серой шляпе. Его окружение напоминало княжеский двор, и в своих письмах к Коллальто Альдринген обычно так и писал: он был при дворе. Герцог Фридландский в те времена любил весело проводить время в кругу офицеров, для которых устраивал роскошные пиры — на них уходило 200 тысяч талеров в год. Только в последние годы жизни он стал есть в одиночестве. Не чужд он был и выпивке. На марше командующий находился чуть впереди армии или двигался в ее рядах, часто стараясь оставаться неузнанным.

Оказавшись перед перспективой быть раздавленными двумя католическими армиями, протестанты видели единственное спасение в вылазке в наследственные земли императора. 10 июля Мансфельд с 10 тысячами солдат начал движение от Хафельберга, быстро

пересек Бранденбург и вторгся в Силезию, найдя ее совершенно беззащитной. Дело в том, что после сражения при Рослау император отменил все меры по обороне этих земель, считая их излишними. Валленштейн сомневался, следует ли пуститься в погоню — он опасался, что во время его отсутствия будет заключен мир, и тогда ни друзья, ни враги больше не впустят его в Империю. В любом случае, он требовал усилить вербовку — хотя бы для того, чтобы лишить врага возможности пополнять свою армию. Однако все более серьезной становилась угроза соединения Мансфельда с Бетленом Габором, к тому же существовали опасения, что на соединение с ними в Силезию вдоль Одера двинется Густав Адольф. Поэтому в конечном счете Валленштейн решил двинуться во владения Габсбургов. Значительную часть своей армии он оставил в северной Германии, однако не подчинил ее Тилли, а приказал полкам не сниматься со своих квартир. Командующему армией Лиги с большим трудом удалось выпросить у Валленштейна 6000 человек.

Тем временем Мансфельд за три недели, словно на прогулке, пересек Силезию по правому берегу Одера, не встречая никакого сопротивления, занял Тешен и Яблунку.

Валленштейн пока медлил с выступлением, собираясь дожидаться подхода к Эльбе Тилли, который осаждал Гёттинген. Наконец 8 августа он во главе 14 тысяч солдат выдвинулся из Цербста, к 17 августа форсированными маршами добрался через Коттбус до Сагана, а затем прибыл в Бунцлау, где приказал местным чиновникам вербовать польских казаков. В Гольдберге он пригласил к себе своего старого учителя Бехнера, который когда-то высмеивал его амбициозные планы, и щедро одарил его. В Швейднице солдатам было впервые приказано соблюдать величайшую тишину из-за расстроенных нервов командующего. Часовым было запрещено свистеть, не разрешалось также трубить в трубу каждый час.

2 сентября Валленштейн подошел к Ольмюцу. Быстрый марш его армии нанес Силезии большой ущерб. Несмотря на железную строгость Валленштейна, приказавшего в Бунцлау повесить шесть мародеров, имели место бессмысленные разрушения, грабежи и насилие во всех его видах. Императорские войска вели себя хуже, чем враг.

Когда Мансфельд попытался переправиться через реку Марх, он наткнулся на войска Валленштейна и отошел на восток. Герцог

Фридландский выдвинулся к Фрайштадтлю на Вааге и задержался там на десять дней, чтобы дожидаться денег, продовольствия и подкреплений из южной Германии и Польши. Эта задержка вызвала сильное недовольство при дворе, враги командующего обвиняли его в лености и нерешительности, даже трусости. Император отправил к Валленштейну Траутманнсдорфа и Квестенберга, которые должны были убедить его действовать активнее. В конце концов герцог Фридландский начал наступление, однако Бетлен Габор и турки не стали вступать в схватку и отступили. После этого императорская армия, ввиду нехватки провианта, также отошла.

Бетлен Габор и Мансфельд объединились и нанесли некоторые потери арьергарду Валленштейна, взяв в плен графа Шлика. Однако Габор вновь вступил со своим противником в переговоры и заключил мир. Брошенный союзником, Мансфельд с небольшой свитой решил двинуться через Далмацию в Италию, чтобы поправить там пошатнувшееся здоровье и получить помощь от французов и венецианцев. По пути он скорпостижно скончался в районе Сараево. Его армия была выведена датским комиссаром в Верхнюю Силезию.

Пока действия Валленштейна на востоке вызывали недовольство в Вене, Тилли нанес в северной Германии решающее поражение датскому королю при Луттере. Датчане отступили в Гольштейн, и армия Лиги контролировала большую часть Нижней Германии. Это усилило при императорском дворе сомнения в способностях Валленштейна; Бавария и Майнц жаловались на грабежи императорской армии, требовали уменьшения ее численности и прекращения вербовок. Им удалось убедить Фердинанда в своей правоте.

Узнав об этом, Валленштейн, возмущенный до крайности, потребовал в начале ноября 1626 года своей отставки. И все же он остался на посту — страх перед не получившей жалование армией, которая повиновалась только своему командующему, заставил императора вступить в переговоры. В этой ситуации Валленштейн мог ставить свои условия. 25 ноября он встретился в Бруке на Лейте с князем Гансом Ульрихом фон Эггенбергом, другом детства и ближайшим сподвижником Фердинанда. Ясность мысли и непоколебимое спокойствие министра составляли необходимое дополнение к смелости и порывистости герцога. Эггенберг, как и Валленштейн, считал зависимость от Лиги проблемой и не был

склонен позволять баварцам увеличивать свое влияние в Империи. Итоги переговоров были выгодны для герцога Фридландского: доверие между ним и императором было восстановлено, положение Валленштейна укрепились. Он смог обосновать необходимость создания армии в 70 тысяч человек, что было значительно больше обычных для того времени размеров. Его полкам были предоставлены квартиры в наследственных землях Габсбургов, разрешено продолжать вербовку, и Валленштейн получил право от имени императора назначать офицеров. Кроме того, было согласовано финансирование армии. Полномочия командующего были существенно расширены, его власть распространялась теперь и на те войска, которые размещались в наследственных землях Габсбургов.

Короче говоря, Валленштейн получил в руки весьма обширную власть, что могло произойти только в том случае, если император согласился с планом герцога создать в Империи военную диктатуру. Армия должна была стать опорой императорской власти как против протестантских, так и против католических князей. Содержать ее должна была тоже вся Империя. Использовать это войско предполагалось в первую очередь

в соответствии с политическими соображениями. Все это, конечно, обострило противоречия с Лигой. Валленштейн оказался в опасном положении — пока его поддерживал император, он мог игнорировать все угрозы; но если Фердинанд предавал его (и тем самым самого себя), герцогу Фридландскому нужно было либо сложить оружие, либо вынудить монарха следовать прежним курсом.

Генералиссимус через Ольмюц и Гичин отправился в Прагу; после долгого отсутствия он смог наконец вернуться в свои поместья. Впрочем, это не мешало ему заботиться об усилении своей армии. Полки, пострадавшие от голода и холода в негостеприимной Венгрии, он разместил в княжествах Нижней Силезии, чтобы они смогли отдохнуть и набраться сил. При этом он оккупировал часть Бранденбурга, не заботясь о мнении курфюрста. Солдаты сменили свои лохмотья на отнятые у местных жителей одежды и беззастенчиво грабили страну. Вскоре здесь уже не осталось звонкой монеты, и у местных жителей отнимали металлы, ткани и даже церковную утварь. Офицеры открыто обогащались и отправляли капиталы в безопасные места за рубежом. В ответ на жалобы, отправляемые Валленштейну и императору, местные жители слышали лишь слова

утешения. Впрочем, даже императорский приказ о выводе солдат с особенно пострадавших территорий не имел здесь никакой силы. «Наш командующий значит столько же, сколько император», — заявляли офицеры Валленштейна. Сам герцог Фридландский писал императору, что тот, кто собирается стать монархом всего мира, не должен печалиться о судьбе каких-то герцогств: «Счастье и несчастье вашего величества зависят от этой армии».

При этом чисто военная дисциплина строго поддерживалась, особенно в отношении рядовых. К ним применялась целая система наказаний. Иногда два осужденных солдата должны были играть под виселицей в азартную игру; того, кто проигрывал, вешали. Впрочем, обычная виселица считалась в армии унижительной казнью, более почетным считалось повешение на дереве. На проступки офицеров смотрели сквозь пальцы. Когда город Оппельн пожаловался на Колоредо, забравшего 500 талеров, Валленштейн ответил, что не видит причины принимать меры из-за столь незначительной суммы и хорошее настроение и преданность офицеров являются единственной опорой императора.

Пока солдаты пировали, а крестьяне горевали, враг продвигался по Верхней Силезии.

Датский полковник Генрих Хольк занял Бойтен, Козель и другие города также попали в руки датчан. Императорские полки были разбросаны от Венгрии до Рейна в своих и чужих землях, будучи повсюду обузой для местных жителей, везде ограничивая власть и доходы князей. Католические князья, которые сражались за свою религию, в ответ собрались в Вюрцбурге и постановили принять контрмеры. Их возмущало еще и то, что в войске Валленштейна было много протестантов, которых командующий с легкостью назначал на высокие посты. Князья Лиги отправили к императору послов с жалобой на армию герцога Фридландского и с требованием сократить ее. Фердинанд принял их приветливо, но остался тверд. Валленштейн как раз в это время случайно оказался в Вене и с яростью обрушился на посланцев: разве император остался только декоративным украшением здания Империи? В ответ он услышал, что у императора есть обязательства перед Империей, которые он поклялся выполнять.

Отбив атаку союзников, Валленштейн вновь обратился против врагов. В июне в Верхней Силезии начались активные боевые действия. На Эльбе и нижнем Хафеле находились полки герцога Георга Люнебургского и Альдрингена,

на Шпрее и Варте стоял Арним, на польской границе — солдаты польского короля. Последнего Валленштейн поддерживал в войне против шведов, послав ему несколько императорских полков, чтобы не дать Густаву Адольфу вступить на германскую территорию. После долгого штурма императорская армия взяла сначала Леобшюц, потом Егерндорф, а затем одержала победу при Козеле. После захвата Троппау и нескольких моравских городов Валленштейн передал преследование противника полковнику Пехманну. Ему удалось догнать и уничтожить датчан; полковник Холк угодил в руки Изолани, однако Пехманн заплатил за победу своей жизнью. В результате Силезия за удивительно короткое время была возвращена под власть императора, и Валленштейн не только пожал лавры победителя, но и получил за службу от императора княжество Саган.

Теперь Валленштейну ничто не мешало атаковать датского короля — или, как он предпочитал говорить, изгнать из Империи чужака, нарушавшего ее покой. Торопиться его заставляли и новости о том, что Максимилиан Баварский вновь собирает съезд католических князей, чтобы добиться ограничения его полномочий.

Армия Валленштейна двинулась через Бранденбург; курфюрста, пытавшегося сохранить нейтралитет, следовало научить уважать императора. Курфюрст вынужден был подчиниться, поставляя императорским солдатам хлеб, скот и пиво. Пока герцог Фридландский находился при армии, порядок с грехом пополам удавалось поддерживать. Однако вскоре он со своим штабом поспешил вперед, чтобы согласовать дальнейшие действия с Тилли. После этого его солдаты начали действовать привычным образом, насилая старух и детей, грабя могилы и убивая священников, если они пытались сопротивляться погромам. За спиной армии оставались только руины.

Христиан Датский лелеял весной 1627 года большие надежды, его поддерживали деньгами и солдатами Англия, Франция и Голландия, под его началом находились прославленные полководцы, такие, как старый граф Турн, маркграф Баден-Дурлахский и молодой герцог Бернгард Веймарский. Однако Тилли пересек в начале августа Эльбу, а 1 сентября у Лауэнбурга к нему присоединился Валленштейн. Оба католических полководца договорились о совместных действиях. Объединенной армии датский король противостоять не мог, однако честь не позволяла ему

согласиться на предложенные условия мира. Тилли был ранен при осаде Пиннеберга и вынужден удалиться с театра боевых действий; Валленштейн после этого взял командование на себя. Он теперь мог пожать плоды деятельности Лиги, отбросил протестантские отряды и вскоре прибыл со своей главной квартирой в Итцехоз. Отсюда он руководил осадой замка Брайтенбург, который мужественно защищали несколько сотен шотландцев. Потребовалось выпустить по маленькой крепости больше 600 ядер, чтобы она наконец сдалась. Захваченную здесь библиотеку семейства Ранцау Валленштейн подарил Вильгельму Ламормаини — духовнику императора. После этого он осадил Рендсбург, который сдался спустя короткое время. Здесь офицеры армии Валленштейна превзошли своих солдат в разбое, командующий даже хотел сместить одного из своих полковников, другой был приговорен военным судом к колесованию, которое в качестве милости заменили отрубанием головы. Казнив самого отъявленного мародера, Валленштейн хотел доказать князьям Лиги, что держит свою армию под контролем.

Тем временем в руки императорских войск попал Мекленбург. Датчане под командованием маркграфа Баденского переправились по

морю в Гольштейн. Однако в Хайлигенхафене полковник Шлик сбросил их в море, и лишь малой части удалось спастись на кораблях — большинство попало в плен. Шлик победоносно прошел через Гольштейн и Ютландию, загнав датского короля на острова. Власть императора в этом регионе распространилась так далеко, как этого не бывало со времен Оттона Великого.

Теперь Валленштейн думал о том, чтобы поразить датского короля в его последнем убежище. «Мне нужны корабли, — заявил он, — датчане вторглись в Силезию и Моравию, а мы должны нанести ответный визит на их острова». Арним в Мекленбурге получил приказ обеспечить флот. Тем временем сам Валленштейн мечтал о том, чтобы стать мекленбургским правителем. Успех подстегивал его безграничное честолюбие. С герцогами Шверина и Гюстрова, подчинившимися власти императора, он обращался самым жестоким образом, однако при этом стремился щадить Мекленбург от опустошений. Не должен же он, в самом деле, разорять свое будущее владение?

В Богемии тем временем произошло долгожданное событие — у Валленштейна родился сын. По этому поводу император разрешил

ему отправиться в свои поместья. В начале декабря Валленштейн уже был в Гичине, устроил роскошное празднование, тратил деньги на благотворительность и жертвовал монастырям. Своим городам он предоставил ряд привилегий. Уже в мае он получил от императора грамоту, согласно которой мог передавать княжеский титул своим потомкам — даже в том случае, если кто-либо из них окажется обвиненным в измене. Фердинанд поощрял династические притязания выходца из низшего чешского дворянства. Однако Валленштейну не суждено было радоваться долго; его сын вскоре умер.

Тем временем войска, оставшиеся на левом берегу Эльбы, постепенно захватили последние крепости, еще находившиеся в руках датчан. Готтфрид Генрих фон Паппенгейм руководил осадой Вольфенбюттеля. Родившийся в 1594 году, воспитанный в протестантской вере, он со временем стал фанатичным католиком. Он делал карьеру при дворе Маттиаса, однако затем выбрал солдатскую стезю и вступил сначала в польскую, затем в лигистскую армию. В сражении на Белой Горе он получил множество ран, потом успешно сражался в Пфальце и Верхней Италии. В 1626 году он подавил крестьянское восстание в Верхней

Австрии, поднятое в ответ на религиозные притеснения. Паппенгейм был покрыт множеством шрамов. Он рассказывал, что в одной из стычек под Вольфенбюттелем взял в плен капитана, трех лейтенантов и 50 солдат, а еще 40 убил.

После захвата Вольфенбюттеля Валленштейн примечательным образом собирался оставить его баварцам, а не занимать своими частями, чтобы не усиливать разногласия. «Если Бавария будет на нашей стороне, мы можем стать господами не только Германии, но и всей Европы», — говорил герцог Фридрихландский. Однако этот шаг навстречу не снял всех разногласий. На съезде в Мюльхаузене и католические, и протестантские князья выступили с жалобами на командующего императорской армией. Нарушение их суверенных прав и ограбление их княжеств объединило их. К тому же войска Лиги размещались в опустошенных северо-западных землях Империи, в то время как императорские солдаты занимали более богатые и еще не разоренные войной районы. Жалобы, поступавшие в Мюльхаузен со всех сторон, давали прекрасное представление о степени опустошения немецких земель. Курфюрсты весьма жестко потребовали от императора роспуска

части его армии и назначения командующего, к которому сословия могли бы испытывать большее доверие. Кроме того, католические князья подумывали о том, чтобы взять в свои руки контроль над протестантскими духовными княжествами — еще одно противоречие с политикой императора и Валленштейна.

Герцог Фридландский тем временем спокойно разместил своих солдат на зимних квартирах. Его армия насчитывала более 100 тысяч человек, и он был хозяином всей Германии. Хозяевами чувствовали себя и его солдаты, продолжавшие грабить все, что могли. Император тем временем мог наслаждаться плодами победы. На оккупированных территориях он мстил всем, кто осмелился выступить против него. По Германии прокатилась волна конфискаций. Валленштейн считал, что на место имперских князей следует поставить новую военную аристократию, которая будет ему лояльна. Он собирался передать наиболее отличившимся полковникам обширные территории; Валленштейн хотел также нейтрализовать Лигу, щедро наградив двух ее самых выдающихся полководцев, Тилли и Паппенгейма. Первый должен был получить княжество Каленберг, другой — княжество Вольфенбюттель. Сам Валленштейн

забрал себе Мекленбург, нарушив все законы. Мнения советников императора по этому поводу разделились: одни считали, что изгнание древнего княжеского рода из своих владений вызовет сильное недовольство в Империи, другие полагали, что щедрое вознаграждение Валленштейна создаст хороший пример. К последним относился и иезуит Ламормайни, которого Валленштейн, возможно, подкупил. В итоге именно они взяли верх. Валленштейн теперь был полноценным главой государства и мог находиться с покрытой головой в присутствии императора.

Мощь Валленштейна внушала теперь уже не только зависть, но и страх. Испанский посол писал своему королю: «Он является настоящим властелином, оставив императору только титул. Никто не может ему противостоять и чувствовать себя в безопасности, тем более что его природа делает его непостоянным, и он порой не может контролировать самого себя».

Получив во владение часть балтийского побережья, Валленштейн мог думать о том, чтобы воплотить в жизнь план, предложенный еще в 1624 году испанским министром Оливаресом. Чтобы нанести удар английской и голландской посреднической торговле, сле-

довало создать при участии Ганзы немецко-испанскую торговую компанию. Для ее защиты и морской войны против Дании императорский флаг должен был снова появиться в этих водах. Балтике предстояло стать морем Габсбургов, герцогство Пруссия, когда-то владение Тевтонского ордена, должно было опять превратиться в опору императорской власти. Валленштейн был назначен «генералом императорской морской армады», планировал построить канал между Балтийским и Северным морями, заставил город Висмар строить корабли, занял своими войсками порты Мекленбурга и Померании, а также остров Рюген. Он планировал, кроме того, сжечь флот шведского короля, который сражался с поляками в Пруссии.

Господство над Балтикой, в свою очередь, прокладывало путь к созданию универсальной монархии, о которой мечтал еще Карл V. Вся Европа должна была оказаться зависимой от германского императора, датчане — сместить своего короля и избрать вместо него Фердинанда в обмен на обещания религиозной свободы. Валленштейн думал и о том, чтобы достичь компромисса с Густавом Адольфом, предложив ему часть Польши, Норвегию, даже Данию, если он станет союзником

Габсбургов. Объединив Европу, герцог Фридрихландский планировал начать большой поход против врагов христианства, турок, направив туда энергию наемных армий. Короче говоря, Валленштейн погружался во все более фантастические мечты, вдохновляемый своими успехами и честолюбием.

Однако его попытки установить господство на Балтике сразу же разбились о реальность. Ганзейские города, без участия которых исполнить план было невозможно, отказались от сотрудничества из страха перед Англией, Голландией и Швецией, а также опасаясь за свою религиозную свободу. Голландские и английские агенты, а также священники агитировали против союза с Габсбургами. Когда Валленштейн потребовал от Штральзунда — этот город был померанским владением, но одновременно входил в состав Ганзы — принять императорский гарнизон, городской совет отказался повиноваться. 12 апреля 1628 года горожане поклялись защищать до последнего Аугсбургское вероисповедание и свои свободы. Их поддержали Дания и Швеция, в город прибыли войска Христиана IV. Во главе датчан стоял Генрих Хольк, закаленный в боях солдат, который сражался против императорских войск в Силезии.

Валленштейн выдвинулся из Гичина и через Берлин прибыл в начале июля в Померанию. По пути он получил приказ императора снять осаду Штральзунда, однако не послушался своего монарха. Город в итоге вынужден был заключить двадцатилетний союз с Густавом Адольфом и принять шведские войска. Последние, таким образом, впервые появились на территории Империи. Валленштейн наконец встретился со своим самым могущественным и упорным противником.

Даже с помощью ожесточенного обстрела Штральзунд не удалось принудить к сдаче. Поскольку у Валленштейна не было кораблей, он не мог блокировать город с моря, и в гавань постоянно прибывали провиант и войска. Горожане даже не особо страдали от осады, их дети играли на улицах и ходили в школы. Император продолжал отправлять послания, требуя не раздражать ганзейские города; датчане и шведы могли в любой момент вступить в союз друг с другом. Все это заставило Валленштейна, потеряв более 10 тысяч человек, в конце концов отойти. План господства на Балтике был похоронен.

После отступления императорской армии Христиан IV занял остров Узедом, радостно приветствуемый местным населением.

Валленштейн тут же двинулся из своей мекленбургской резиденции Гюстров навстречу новой опасности. Ему удалось разбить датчан и заставить датского короля стремительно уплыть в Копенгаген. Победитель отправил в Вену весть о победе и занял Росток. Однако и Валленштейн, и император хотели мира. Без флота они не могли нанести датчанам окончательное поражение, защитить обширное побережье было невозможно, действия Густава Адольфа были предметом постоянных опасений. В итоге Христиан IV смог добиться вполне сносных условий по Любекскому мирному договору. Ему возвращались все его прежние владения, взамен он обещал вмешиваться в дела Империи лишь постольку, поскольку имел на это право как герцог Гольштейна. Кроме того, датский король соглашался с произведенными Валленштейном изменениями в Империи. Шведский посланник на мирные переговоры допущен не был.

5. Первое падение

Теперь император был полновластным хозяином Империи. Заключенный мир он мог использовать для того, чтобы восстановить повсюду спокойствие и порядок. Однако для этого у него не хватало политического таланта. Более умный Валленштейн был готов идти тем же путем, что и Ришелье во Франции — установив неограниченное политическое господство монарха, не трогать религиозную свободу. Однако император, как и князя Лиги, решил, что пришел момент обеспечить победу католицизма в Империи. Валленштейн видел в этом величайшую опасность, поскольку едва завершившаяся война могла в результате разгореться снова. Однако его возражения не были приняты во внимание.

Реституционный эдикт 1629 года стал первым политическим поражением всемогущего герцога Фридландского. В соответствии с ним, все духовные владения, перешедшие в руки протестантов после 1552 года, должны были быть возвращены. Религиозная свобода

подданных духовных княжеств отменялась, а в остальной Империи допускалось наряду с католицизмом только Аугсбургское исповедание, кальвинисты были поставлены вне закона. Все это было сделано без санкции рейхстага. Не считая многочисленных монастырей, протестанты должны были вернуть два архиепископства и двенадцать епископств; все изменения, произведенные тремя поколениями, объявлялись ничтожными. В Империи на тот момент было множество кальвинистских княжеств: Курпфальц, Гессен-Кассель, Пфальц-Цвайбрюккен, Бранденбург были самыми значимыми. Все они теперь потеряли право на существование; это была настоящая революция, произведенная одним росчерком пера.

Валленштейн был обеспокоен эдиктом. Он всегда подчеркивал, что ведет не религиозную войну, а борьбу за укрепление власти императора. Как отреагируют его офицеры-протестанты на вызов, брошенный их вере? Валленштейн вновь начал действовать вразрез с волей императора, пообещав ганзейским городам, что их религиозная свобода не будет затронута.

Даже папа Урбан VIII был недоволен действиями Фердинанда. Ведь духовные владения возвращались не их прежним обладателям,

а передавались иезуитам или светским князьям в качестве компенсации военных расходов. Мнения папы никто не спросил, и неслучайно позднее Урбан VIII приветствовал вторжение Густава Адольфа как справедливую кару Господа.

В борьбе с протестантами, которая становилась теперь неизбежной, император мог бы, тем не менее, иметь в лице Валленштейна сильную опору — однако он сам лишил себя такой возможности. Увеличение императорской армии вновь вызвало недовольство князей Лиги, которые видели в действиях герцога Фридландского угрозу собственной независимости. Широко распространялись высказывания Валленштейна о том, что никаких курфюрстов вообще не должно быть; в Германии должен иметься только один правитель, как в Испании и Франции. Фердинанд в это время добивался избрания сына своим преемником, и герцог Фридландский заявлял, что король не нуждается в избрании. Ходили слухи о том, что после смерти Фердинанда Валленштейн собирается сам примерить императорскую корону. На деле командующий лишь стремился действовать в интересах своего монарха — не из чувства верности, конечно, а чтобы покрепче привязать его к себе и тем усилить

свое положение. Главными движущими силами Валленштейна были честолюбие и эгоизм.

Чтобы обеспечить избрание своего сына, Фердинанд собрал курфюрстов в 1630 году в Регенсбурге. Европейская ситуация в этом году была опасна для Габсбургов. Густав Адольф, который годом раньше из-за императорской армии потерпел неудачу в Пруссии, заключил при посредничестве Франции перемирие с поляками. Теперь он мог обратить оружие против своего давнего врага, императора. Шведский король был родственником курфюрста Пфальца и мекленбургских герцогов, Австрия и Испания поддерживали его главных врагов — поляков — и угрожали его господству на Балтике. Все это требовало от него наступательных действий. Кроме того, Густав Адольф являлся естественным союзником князей, которых затронул Реституционный эдикт. Именно поэтому Валленштейн уже давно опасался вторжения шведов в Германию и видел в событиях вокруг Штральзунда пролог к этому.

Католические державы Европы также боролись против Габсбургов. Спорное мантуанское наследство должно было по праву достаться герцогу Неверскому, но Австрия и Испания выступили против него, и папа Урбан VIII, который сам являлся одновременно

правителем итальянского княжества и опасался расширения императорской власти, призвал на помощь французов. Валленштейн грозил папскому нунцию повтором разграбления Рима 1527 года. В герцоге Фридландском все противники императора как внутри Империи, так и за ее пределами видели главную опору габсбургского могущества; если свалить его, то и власть Габсбургов пошатнется.

В ответ на просьбу о помощи со стороны императора курфюрсты вновь ответили требованием уменьшить армию и сместить Валленштейна. Если Фердинанд отказывал, члены Лиги переходили в стан его противников. Валленштейн не сомневался в том, что следует делать: из Меммингена, где он сосредоточил свои войска в начале июня, можно было нанести быстрый удар по Баварии. Однако у императора не хватило духа поступить подобным образом. Несмотря на советы испанского посланника, который поддерживал герцога Фридландского, Фердинанд решил сместить Валленштейна и уменьшить войска до 39 тысяч человек. Решающую роль сыграл Ламормаини, действовавший по указу папы. 13 августа император огласил свое решение, поручив канцлеру Верденбергу и Квестенбергу сообщить его Валленштейну.

Валленштейн спокойно воспринял эту новость и покинул армию; он подозревал, что его карьера еще не завершена. Густав Адольф уже высадился в Германии. Командующим императорской армии стал Тилли, от гордой самостоятельности Фердинанда остались лишь воспоминания. Император фактически совершил политическое самоубийство, добровольно опустившись на уровень других князей Империи. Валленштейн, опираясь на многонациональный сброд, жаждавший только денег и удовлетворения низменных страстей, пытался сделать императора абсолютным монархом в борьбе против самой Империи, против князей и народа; и теперь император сам оттолкнул его.

Герцог Фридландский вернулся в свои владения. Он был больше военным организатором, нежели полководцем; но особенно талантлив он был в управлении собственными землями. Он был постоянно полон жажды деятельности и даже в разгар военных кампаний принимал управленческие решения, писал многочисленные письма своему управляющему в Богемии. В Мекленбурге он быстро устранил многие проблемы, оставленные его предшественником; выступая в роли одного из князей Империи, он стремился укрепить собственную самостоятельность.

Мекленбург был вскоре занят шведами, но владения в наследственных землях Габсбургов остались в руках Валленштейна. Управление ими могло бы стать образцом и предметом зависти для всех прочих суверенов. Герцогство Фридландское состояло из 64 когда-то независимых имений; главной резиденцией являлся чешский город Гичин. Была создана развитая система управления, имелась канцелярия во главе с канцлером, у каждого имения был свой управляющий. Будучи чехом, Валленштейн, тем не менее, стремился распространять немецкую культуру и продвигал немецких чиновников. Вся деловая документация велась на немецком языке. Когда Валленштейну понадобился паж, он написал, что не хочет видеть при себе богемских «гусей»; полякам он также не слишком благоволил. Герцог вникал в каждую мелочь, иногда грозил своим подчиненным расправой, но в реальности за все время своего пребывания в Гичине казнил лишь одного браконьера. В его письмах речь идет о кормлении поросят, об уходе за овцами, о лечении больных кур, производстве красного вельтлинского вина (единственное, которое он пил), об уборке улиц, воспитании дворянских детей и сотнях тому подобных вопросов. Особенное внимание он уделял коневодству.

Во всех своих владениях он стремился укрепить католическую веру, хотя и пользовался репутацией атеиста. Однако вопросы веры отступали, если противоречили практическим соображениям. Тем более он не собирался идти на уступки духовенству. Когда иезуиты попытались забрать себе основанное им в Гичине учебное заведение, он без малейших колебаний сорвал этот план. Распущенность и жадность клириков он сурово осуждал, говоря, что за ширмой бедности они скрывают величайшие богатства, и «чем больше имеют, тем больше хотят». Картезианцы, добивавшиеся от него новых пожертвований, покинули монастырь и ушли, думая, что тем самым сделают его более уступчивым; вскоре им пришлось умолять его о разрешении вернуться. Валленштейн с сарказмом говорил о политических амбициях духовенства. Когда один монах по поручению испанцев попытался обсудить с ним политические вопросы, герцог Фридландский не дал ему сказать и слова и отослал прочь, высказав свое удивление тем, что католический король заставляет печься о мирских делах людей, которые отреклись от всего мирского.

В качестве свидетельств активной деятельности Валленштейна остались здания, которые возводились в большом количестве по

его приказу. На горе Бёзиг он начал строить монастырь, в Вайсвассере он возвел дом для августинцев, в Праге в Градчанах возник знаменитый Фридландский дом, построенный итальянским архитектором Андреасом Спецца. Последнего Валленштейн ценил так высоко, что после его смерти приказал выплачивать двум его сыновьям жалование отца. Герцог Фридландский сам принимал активное участие в обсуждении проекта дома, повелев соорудить во дворе большой фонтан, поставить бронзовые статуи и богато украшенный грот для купания. Дом стал настоящим дворцом — а ведь это была лишь временная резиденция в богемской столице. В Гичине он построил замок и приложил большие усилия для развития города. Когда город оказался под его властью, в нем насчитывалось всего 198 домов. Валленштейн привлек искусных ремесленников, поощрял переселение из Империи, Франции, Голландии. Сначала он хотел построить иезуитский колледж, церковь Святого Иакова и школу латыни. Затем он получил от императора право создать в Гичине собственное епископство, которое, однако, так и не было организовано.

Валленштейн заботился о развитии промышленности и торговли. Он приказал построить пороховые мельницы, посадить

шелковичные деревья. Герцогские пивоварни получили монополию на производство пива, но одновременно Валленштейн приказал сделать цены низкими, «чтобы бедный человек мог тоже утолить жажду». Наконец он приступил к строительству дворца в том же стиле, в котором был возведен его дом в Праге, однако завершить постройку уже не успел. Роскошные конюшни, двор замка, трехэтажные аркады с рядами колонн свидетельствуют еще сегодня о замысле их строителя. В дополнение к этому он построил семинарию, вторую церковь, три монастыря (капуцинов, доминиканцев и кармелитов). Рядом со старым городом он хотел создать совершенно новые кварталы; преемник Спеццы, Никколо Себрегонди, создал план этого нового города из пятисот домов с черепичными крышами. В строительстве было занято от четырех до пяти тысяч хорошо оплачиваемых ремесленников. Валленштейн планировал основать здесь немецкий университет; от императора было получено соответствующее разрешение, и уже начались переговоры с выдающимися учеными того времени.

Школа в Гичине была предназначена для воспитания дворянских детей, в первую очередь отпрысков самого Валленштейна. Герцог

строго отбирал учеников и вникал в детали их обучения. В Лейпе он также основал гимназию и повелел горожанам отправить туда своих сыновей, ранее посещавших другие школы.

Валленштейн повсюду стремился оживить пейзаж садами и парками. Из всех деревьев он больше всего любил липу, в Эбельнице он приказал посадить две липовые рощи, а вдоль дороги оттуда до Гичина высадить аллею из четырех рядов лип. Чтобы деревья не повредили случайные прохожие, были выставлены часовые. В горах были тщательно обследованы старые рудники, и там, где Валленштейн считал это целесообразным, добыча руды была возобновлена. В Гичине и Сагане чеканились монеты; Валленштейн требовал чеканить 12 тысяч дукатов в год, даже себе в убыток. Он заявлял, что делает это не ради выгоды, а во имя репутации. Этими деньгами оплачивались военные поставки. Валленштейн даже созвал сословия своего герцогства, чтобы в политическом отношении отделить его от Богемии.

Герцогский двор был очень велик, и прибытию в один из замков всегда предшествовали обширные приготовления. Свита Валленштейна в 1633 году состояла из 899 человек и 1072 лошадей. В день им требовалось 1798 фунтов мяса и как минимум столько же

мер пива. На месячное жалованье в декабре 1630 года ушло 4673 флорина, а общие расходы на Гичин за этот год превышали 245 тысяч. По рассказам одного из придворных, в покоях герцога находилось 50 роскошно одетых слуг, несколько камергеров ждали его приказаний. Еще десять слуг ходили по окрестным улицам и пресекали всякий шум и свару, которые могли бы вызвать раздражение у герцога. Нервы последнего были весьма уязвимы — он не мог слышать даже воробыиного чириканья, если оно казалось ему слишком громким. По-прежнему приглашая на обед своих генералов и офицеров, Валленштейн, однако, в последние годы уже не садился с ними за стол. Он оставался щедрым, вознаграждал за заслуги, однако оградил себя от личного общения и жил в одиночестве среди множества подданных.

Конечно, в нем была сильна обида на императора, он не простил нанесенного оскорбления. Слова, которые вырывались у него порой, свидетельствовали о глубине его ненависти. Но что он мог сделать? Пока императорский авторитет служил ему опорой, он преследовал большие политические цели. Но император отверг и эти цели, и его самого, а без расположения императора он был никем. Ему оставалось

лишь следить за потоком событий, на который он никак не мог повлиять. Возможно, он думал о том, чтобы вернуть себе власть и перестать быть политическим нулем, предметом насмешек противников. Но как он мог этого достичь? Герцогство Мекленбургское вскоре оказалось в руках неприятеля, а многочисленные богемские эмигранты в Саксонии только и мечтали о том, чтобы вернуть себе свои конфискованные имения, принадлежавшие теперь герцогу Фридландскому. Если бы враги императора победоносно добрались до Богемии, само существование Валленштейна оказалось бы под угрозой.

Густав Адольф, которого насмешливо называли «снежным королем», высадился в Померании еще до смещения Валленштейна. Фердинанд сначала не отнесся к этому серьезно, но шведский король вскоре заставил себя уважать и бояться. Появление Густава Адольфа было нежеланным даже для протестантских князей, которых он вынудил встать на его сторону. Шведы заняли Померанию и Мекленбург, и императорская армия потерпела в зимней кампании неслыханное поражение на Нижнем Одере.

Король Франции, союзник папы, и кардинал Ришелье увидели в шведском короле

желанное орудие против Габсбургов и поддержали его деньгами, заключив союзный договор в Бервальде. Взамен Густав Адольф пообещал не трогать католиков и поддерживать дружественные отношения с Лигой, если она сама не выступит против него, а также ограничиться защитой Балтики и восстановлением прав сословий. Он планировал освободить Магдебург, осажденный Тилли и Паппенгеймом, однако для этого ему нужно было содействие Саксонии и Бранденбурга. Пока шведский король вел переговоры с курфюрстами, Магдебург был взят и сожжен. После этого шведская армия подошла к Берлину и вынудила бранденбургского курфюрста заключить союз. Саксонцы еще колебались, но император сделал фатальную ошибку, потребовав от них выполнять Реституционный эдикт и отдав Тилли приказ вторгнуться на их территорию. Саксонский курфюрст был буквально вынужден пойти на союз со шведами. В битве при Брейтенфельде 17 сентября 1631 года шведы и саксонцы разгромили Тилли и уничтожили его армию. Путь на Вену был свободен; протестанты приветствовали «полуночного льва» как своего спасителя.

6. Возвращение генералиссимуса

Валленштейн следил за происходящим с некоторым удовлетворением. Если он хотел сохранить свои владения и сыграть какую-нибудь роль в этих событиях, ему нужна была армия. Для этого следовало примкнуть либо к императору, либо к Густаву Адольфу. Отношения с Фердинандом были внешне хорошими; монарх отправил полководца в отставку помимо своей воли и много раз спрашивал его совета. Валленштейн отвечал, но не забывал обиды. Уже в ноябре 1630 года Густав Адольф отправил ему письмо, формально высказывая соболезнования по поводу его отставки. Это письмо не сохранилось, а сам Валленштейн в последние годы жизни брался за перо крайне редко, особенно если речь шла о чем-то, что могло его скомпрометировать.

16 февраля 1631 года в замке Опочна неподалеку от Кениггреца Валленштейн присутствовал на крещении одного из своих племянников; один из его приближенных, Адам Трчка, сказал присутствовавшему при

этом богемскому эмигранту Ярославу Рашину о том, что герцог Фридландский готов перейти на сторону противников императора, если те сделают ему соответствующее предложение. Вскоре после этого Валленштейн отправился на свадьбу венгерского короля Фердинанда III¹² с Марией Анной Испанской, и Рашин сопровождал его. 17 мая Трчка поручил Рашину отправиться к графу Турну, который, в свою очередь, поспешил с известием о действиях Валленштейна к Густаву Адольфу, пришедшему в неописуемое изумление. 18 июня Рашин снова оказался в Праге и был принят Валленштейном, который заявил, что император предложил ему генеральский пост, однако он не примет его даже ценой избавления от адских мук; он лучше поможет шведскому королю. Переговоры при посредничестве Трчки, Рашина и Турна были продолжены; Густав Адольф пообещал Валленштейну направить в Богемию 10–12 тысяч человек под командованием Турна. Шведский король был готов сделать герцога Фридландского вице-королем Богемии (королем он признавал

¹² Сын действовавшего на тот момент императора Фердинанда II, которому отец поэтапно передавал наследственные земли австрийских Габсбургов.

курфюрста Пфальцского). Валленштейн, однако, уклонился от прямого ответа, не желая пока окончательно рвать с Габсбургами.

В это же время богемские эмигранты решили набрать войска для вторжения в Богемию и поднять там протестантское восстание. Одновременно в Прагу пришло известие о поражении Тилли при Брейтенфельде. Валленштейн обрадовался этому; он мечтал отомстить императору. Он поручил передать Густаву Адольфу, что готов принять его армию. Валленштейн собирался атаковать силезскую армию императора, занять Силезию, Богемию и Моравию и выдвинуться к Вене. Как только Дунай замерзнет, он планировал пересечь реку, завоевать Штирию, Каринтию и Крайну и прогнать императора из столицы. С императором, говорил герцог Фридландский, нельзя заключать мир; он многое обещает, но не держит своих обещаний.

В это же время Фердинанд, будучи не в состоянии самостоятельно собрать армию, поручил Квестенбергу начать переговоры с Валленштейном и предложить ему командование. Герцог Фридландский вновь оказался в выгодном положении и мог выбирать. Квестенбергу он ответил, что не может принять командование, однако согласился начать переговоры

с саксонцами, армией которых командовал его бывший полковник Арним. Тем самым он сохранял свободу рук до прибытия письма от шведского короля. Фердинанд ничего не знал о переговорах, которые вел Валленштейн; последний же чувствовал себя в своем праве, обладая в качестве герцога Мекленбургского полным суверенитетом.

После битвы при Брейтенфельде цель Густава Адольфа была достигнута — он владел балтийским побережьем. Однако ему необходимо было сохранить поддержку протестантских князей, примкнувших к нему добровольно или по принуждению. Он мог двинуться либо против Лиги, либо на Вену. Первую он считал более сильным противником и повернул на запад. Саксонцам шведский король поручил вести борьбу против императора. В начале октября к нему прибыли Турн и Рашин с предложениями Валленштейна. Однако теперь шведский король не нуждался в своем бывшем противнике. Кроме того, он имел все основания не доверять человеку, который собирался предать императора, и опасался вручать армию в руки полководца, которого не мог контролировать. Поэтому Густав Адольф сказал посланцам, что может выделить герцогу лишь полторы тысячи солдат;

еще несколько полков пусть предоставят саксонцы.

Это предложение, конечно, не устроило Валленштейна. Тем временем его позиция при венском дворе становилась все сильнее. Его друзья в окружении императора могли упирать на то, что именно его отставка стала причиной всех несчастий. Испанский посол обещал субсидии в том случае, если Валленштейна снова назначат командующим. Однако письмо императора герцогу Фридландскому от 5 мая осталось без ответа. К тому же князья Лиги по-прежнему возражали против его назначения, и Фердинанд поставил во главе армии венгерского короля. Последний, однако, был слишком молод и неопытен для того, чтобы противостоять шведскому королю. После заседания королевского совета Фердинанд 12 ноября еще раз написал Валленштейну, выражая надежду, что тот не бросит его в беде.

На этот раз герцог Фридландский согласился. Он уже вел переговоры с саксонцами, пытаясь склонить их на сторону императора. В конце ноября он заявил Арниму, что граф Турн нарушил тайну переговоров, написав незашифрованное письмо, которое попало в руки императору; теперь, чтобы снять с себя подозрения, он должен принять пост

командующего. Но, добавил Валленштейн, он не будет ничего предпринимать против шведского короля, а «сделает все, чтобы император и весь его дом пожалел о том, что они оскорбили своего преданного слугу».

Примечательно, что саксонские войска, которые должны были атаковать силезскую армию императора под командованием Тифенбаха, вместо этого вторглись в Богемию и взяли Прагу. Доказательств того, что это было сделано с подачи Валленштейна, нет; вероятно, Арним действовал по собственной инициативе, стремясь упредить богемских эмигрантов. В любом случае, Арним взял на себя охрану богемских владений герцога Фридландского, обезопасив последнего от претензий со стороны изгнанных. Валленштейн же получил повод заявить, что именно это вторжение заставило его принять сторону Фердинанда. Он вел не саксонскую, не шведскую, не императорскую, а исключительно свою собственную политику. На встрече с Арнимом он высказался за отмену Реституционного эдикта и за возвращение к ситуации, существовавшей до 1618 года. Пфальц должен был быть возвращен своему курфюрсту, и даже конфискованные богемские имения — прежним владельцам.

Что в таком случае оставалось ему самому? Возможно, он мечтал о богемской короне? 26 декабря 1631 года Валленштейн писал Арниму, что его целью является мир в Германии, который все равно однажды настанет. Он заявлял, что хочет не абсолютной власти императора, а восстановления прежнего устройства Империи, с равноправием конфессий и свободой князей. Для этого нужно было сперва справиться с чужаками, и в начале декабря Валленштейн встретился с Эггенбергом и Харрахом, чтобы обсудить условия своего назначения. Герцог Фридландский выступал с позиции силы; он отказался служить под началом венгерского короля, заявив, что не привык подчиняться кому бы то ни было. Когда император согласился на все его условия, Валленштейн пообещал к концу марта выставить в поле 40 тысяч человек и за следующие три месяца довести это число до ста тысяч.

Император искал поддержку у других католических держав, но получил ее только от Испании. Баварцы в апреле 1631 года заключили оборонительный союз с французами, которые помогали Густаву Адольфу; однако после бесплодных переговоров со шведским королем в Мюнхене решили скрепя сердце примкнуть к императору. Папа, в свою очередь, отклонил

просьбу Фердинанда о помощи. Кардиналам, пытавшимся его переубедить, Урбан VIII ответил, что шведы ведут войну не против католической церкви, а против Габсбургов, власть которых приобретает опасные масштабы, в том числе и в Италии.

Валленштейн оставался единственной надеждой императора. И эта надежда оправдалась. Имя герцога Фридландского имело магическое воздействие; наемники толпами стекались к нему, и к апрелю обещанная армия была создана. Она состояла из солдат всех наций и конфессий. Единственным, что связывало их, была надежда на добычу, которую внушало им имя легендарного генерала. Когда Валленштейн попытался уйти со своего поста, заявив, что миссия его выполнена и он готов передать собранное войско кому-нибудь другому, его стали осаждать просьбами остаться.

Мы не знаем точно, какие условия поставил Валленштейн императору. Нам известно только, что герцог Фридландский и Эггенберг встретились в Гёллерсдорфе для обсуждения этих условий; договоренность, похоже, была устной. Мы можем лишь по косвенным признакам догадываться о том, что стало результатом переговоров. Так, похоже, Валленштейн

смог добиться от императора согласия не применять Реституционный эдикт к Саксонии — уступка, о которой Трчка в январе 1632 года сообщил Арниму. Права самостоятельно вести мирные переговоры у герцога Фридландского не было, однако ему удалось добиться безраздельного руководства императорской армией. Ни один габсбургский генерал не мог действовать в Империи независимо от Валленштейна, ни одному офицеру император не мог отдавать приказания через его голову. Молодой венгерский король не имел права появляться в армии — присутствие сына и наследника императора создавало бы нежеланное двоевластие. На завоеванных территориях командующий имел право конфискации и помилований, он мог также собирать определенные налоги для удовлетворения потребностей армии. Лично Валленштейну император подарил несколько сотен тысяч гульденов, подтвердил его статус герцога Мекленбургского, передал ему силезское герцогство Гросс-Глогау и пообещал в том случае, если вступить во владение Мекленбургом не удастся, компенсировать это передачей другого имперского княжества. По словам испанского представителя при Валленштейне, Наварро, император пообещал передать

Валленштейну первое же курфюршество, которое он завоюет; однако пожизненный статус главнокомандующего герцог Фридландский не получил. Впрочем, и без этого его власть чудовищно выросла.

Власть императора, в свою очередь, была практически полностью парализована этим «параллельным правительством». И здесь объективно лежало зерно будущего конфликта. Валленштейн не принес присягу своему господину; вопрос о том, что произойдет в случае разногласий, оставался открытым. У императора не было реальной возможности принудить Валленштейна к повиновению — и именно эта слабость Фердинанда, как ни парадоксально, стала для герцога Фридландского роковой.

Однако пока что на поле боя должны были встретиться две главные фигуры войны. Если бы один из них потерпел полное поражение, борьба бы естественным образом завершилась. Как грубовато выразился по этому поводу сам Валленштейн, два петуха не могут ужитья на одном насесте.

Густав Адольф прошел вниз по Майну и провел зиму в Рейнской области. В феврале 1632 года он начал наступление на Баварию. В те дни, когда Валленштейн вел переговоры в Гёллерсдорфе, шведский король смог

разбить Тилли и Альдрингена и переправиться через Лех. Четырнадцать дней спустя престарелый и прославленный командующий лигистской армией умер от ран. Бавария была завоевана шведами, Густав Адольф торжественно вошел в Мюнхен. Валленштейн был не особенно расстроен неудачей своего старого противника Максимилиана, однако принял меры, которые вынудили шведского короля покинуть Баварию и двинуться на север.

Ближайшей задачей Валленштейна было очистить Богемию от саксонцев. Это было не сложно, поскольку вражеские полки испытывали нужду во всем и отличались плохой дисциплиной. Валленштейн занял Прагу, отправил Холька брат Эгер, а силезскую армию — в Лаузиц. Густав Адольф поспешил на помощь саксонцам. Но Валленштейну удалось соединиться с баварцами раньше, чем подоспел шведский король. Не зная планов своего противника и пребывая в нерешительности, Густав Адольф утратил инициативу; он решил стянуть армию к Нюрнбергу и выжидать. Шведы создали вокруг города систему укреплений с 300 орудиями. Валленштейн последовал за ними и построил собственный укрепленный лагерь между Штайном и Фюртом; на его сооружение потребовалось всего три дня.

Шведский король напрасно пытался выманить противника из лагеря. Валленштейн знал, что его солдаты еще не обучены. Перекрывая шведам путь, он рассчитывал взять их измором. Ежедневно между фуражирами обеих сторон происходили стычки. Баварский курфюрст, подчиненный командующему, напрасно требовал атаковать противника. Бездеятельность Валленштейна вызывала всеобщее изумление, в стане противника поговаривали, что Господь наказал его безумием. Но командующий императорской армией очень хорошо знал, что он делает. В Нюрнберге и в шведской армии вскоре стал ощущаться голод, смертность резко выросла, на улицах валялись трупы, миазмы отравляли воздух. Впрочем, императорская армия также страдала — речь шла лишь о том, кто выдержит дольше. Густав Адольф продолжал концентрировать свои войска, тем самым еще больше увеличивая их нужду. Он вновь выстроил их в боевой порядок, вызывая противника на битву — но напрасно. С железным упорством Валленштейн держал свои полки за стенами лагеря.

Наконец Густав Адольф решил идти на приступ. 3 сентября он атаковал лагерь Валленштейна. С непревзойденным мужеством

атаковали шведы, с невиданной стойкостью оборонялись имперцы. Ключевой пункт обороны трижды переходил из рук в руки. Бернгард Веймарский смог занять высоту, господствовавшую над лагерем Валленштейна; но от дождя почва раскисла, и доставить туда пушки не удалось. Мужество и напор ничего не могли поделать с холодным спокойствием Валленштейна. Первый тур схватки двух полководцев завершился. «Шведский король обломал себе рога», — писал герцог Фридландский императору. Густав Адольф был побежден, поскольку не смог победить.

В этой ситуации шведский король решил возобновить переговоры с Валленштейном. Он требовал гарантии религиозной свободы для Саксонии и передачи Померании шведам. За потерю Мекленбурга Валленштейн должен был быть вознагражден герцогством Франкония, которое следовало создать из бывших духовных княжеств. Однако герцог Фридландский заявил, что у него нет полномочий вести переговоры, и двинулся на север, чтобы продолжить кампанию в Саксонии и отрезать Густава Адольфа от моря. Теперь инициатива находилась в его руках.

Чтобы облегчить положение императорских полков под командованием Маррадаса

в Силезии, Валленштейн приказал Хольку и графу Галласу вторгнуться в Саксонию и опустошать страну. На помощь им он отправил Паппенгейма, который до этого сражался со шведами на северо-западе Германии. Однако шведам удалось перехватить несколько его писем, и они решили не допустить объединения Валленштейна с Паппенгеймом.

Тем временем герцог Фридландский с основной частью армии прошел мимо Кобурга, крепость которого ему не покорилась, соединился у Альтенбурга с Хольком и Галласом и взял штурмом Лейпциг. Один за другим сдавались саксонские города. Вскоре прибыл Паппенгейм, и объединенная императорская армия встала лагерем у Вайсенфельза. Густав Адольф, последовавший за ней, занял Наумбург и стал ждать подхода саксонских полков.

На военном совете в Вайсенфельзе было решено не атаковать шведов, а остаться в Саксонии на зиму. Императорская армия отошла к Лейпцигу, главная ее квартира находилась в Лютцене. Паппенгейм получил разрешение выдвинуться на Везер, чтобы помочь осажденному Кёльну, однако сперва должен был взять Моритцбург. Узнав о том, что императорская армия снова разделилась, Густав Адольф решил атаковать. 16 ноября

у Лютцена два великих полководца встретились во второй раз.

Ночью Валленштейн сосредоточил свои войска и отправил Паппенгейму приказ срочно возвращаться. Он построил свою армию севернее дороги на Лейпциг, фронтом на юг. В центре находились «батальоны», большие четырехугольники пехоты, выстроенные на испанский манер. На флангах находилась конница. Шведская армия наступала двумя эшелонами, ее глубина была меньше, пехота и кавалерия действовали вместе, что обеспечивало ей большую подвижность. Целью Густава Адольфа было оттеснить имперцев к Галле и соединиться с саксонцами.

Сражение началось с артиллерийской дуэли. Левый фланг императорской армии оказался под ударом главных сил шведов, которые повел в атаку сам король. Однако Паппенгейм смог своевременно усилить это крыло, его кавалерия галопом прискакала из Галле как раз в нужную минуту. Самого Паппенгейма, получившего смертельное ранение, вскоре унесли с поля боя, его место занял Октавио Пикколомини. В бою погиб и Густав Адольф, который, по всей видимости, из-за своей близорукости выдвинулся слишком далеко вперед. Имперцам удалось захватить

несколько знамен, но беспорядок в их рядах усиливался, кавалерия лишила упряжек собственную артиллерию, пехота начала грабить свой собственный обоз. Валленштейн, также получивший ранение, не смог сохранить контроль над ситуацией и уехал в Лейпциг. Сражение окончилось с неопределенным результатом, шведам не удалось оттеснить имперцев к Галле.

Вскоре Валленштейн поспешил в Прагу, куда прибыл в начале декабря, и поселился в своем дворце. До поздней ночи он работал в маленькой круглой комнате, украшенной таинственными знаками и удивительными картинами. Здесь он проводил ночами много часов с астрологом Иоганном Баптистом Зенно; вместе они расшифровывали послания звезд. Здесь, в Праге, он узнал, что шведы заняли важнейшие города Саксонии — Лейпциг, Хемнитц и Цвиккау.

Главной задачей Валленштейна было пополнить и реорганизовать сильно пострадавшую армию. Большая часть его полков находилась на зимних квартирах в Богемии; здесь и в Швабии, где разместился Альдринген, началась усиленная вербовка. Вновь наемники устремились к нему. Одновременно он подводил итоги минувшего года, щедро награждал

отличившихся и сурово наказывал провинившихся. В Праге, как и в 1621 году, состоялась массовая казнь; офицеры и рядовые, не выполнившие свой долг при Лютцене, отправлялись на плаху. Те, кто достойно сражался, получали денежные подарки и золотые цепи с портретом — не императора, но самого Валленштейна. Некоторые получили дворянские титулы. Особой милостью пользовались Хольк и Пикколомини, которым многие завидовали.

7. В паутине интриг

Итак, поначалу Валленштейн оставался в Богемии — сильнейшей природной крепости. Он концентрировал свою армию на юге графства Глац, чтобы затем двинуться в Силезию, где Галлас противостоял шведско-саксонско-бранденбургской армии под командованием Арнима и графа Турна. Герцог Фридландский планировал за зиму посеять рознь между своими врагами и заключить мир с саксонцами, однако попытка вступить в переговоры с курфюрстом окончилась ничем. На другой стороне тоже стремились положить конец войне; Георг Гессен-Дармштадтский вел переговоры с императорскими посланцами, которые готовы были пойти на уступки в Империи, но настаивали на Контрреформации в Богемии. Валленштейн знал об этих переговорах, но не участвовал в них — еще один повод для недовольства императором. Герцог Фридландский хотел держать и войну, и мир под своим контролем. Вскоре Валленштейн вновь начал переговоры с богемскими

эмигрантами и со шведами; он вел сложную дипломатическую игру, вся глубина которой нам недоступна, но ее главные черты хорошо известны.

В Вене противники генералиссимуса вновь подняли голову. Битва при Лютцене официально считалась победой, но императорская армия отступила в Богемию. Смерть самого опасного противника усилила воинственные настроения при дворе, а командующий бездействовал. Иезуиты с глубоким недоверием наблюдали за его попытками заключить мир. Валленштейн не откликался на просьбы Максимилиана Баварского о помощи и сосредоточил свое внимание на Силезии. Он чувствовал ненависть католической партии и пытался упредить ее своей дипломатией. Испанцы потребовали, чтобы полки Альдрингена, находившиеся на верхнем Дунае, двинулись им на помощь в Эльзас; это противоречило условиям, на которых Валленштейн согласился принять командование.

26 апреля в Праге появился Рашин, посланный Турном с письменным предложением богемской короны для герцога Фридрих-Ландсбургского. «Зимний король» умер, и путь к трону был открыт. Но Валленштейн не доверял Рашину и выбрал в качестве переговорщика

генерал-майора Бубну. В это же время в Дрездене появился богемский эмигрант, который предложил шведам начать переговоры с Валленштейном. Аналогичные переговоры еще один эмигрант, граф Кински, шурин Трчки, начал с французами. И шведы, и французы согласились вступить в эту игру, еще не зная, как поведет себя Валленштейн.

3 мая герцог Фридландский наконец покинул Прагу и отправился к армии. В Гичине он встретился с Бубной, которого сразу же пригласил к себе. Впервые Валленштейн заявил о намерении объединить свое войско со шведским, в рядах которого служили офицерами многие богемские эмигранты, и продиктовать императору условия мира. «Зачем мы будем разбивать друг другу головы ради чужих интересов, если можем заключить желанный мир, опираясь на наши армии?» — спросил герцог Фридландский. Бубна ответил, что ни шведы, ни эмигранты не доверяют императору, который является лишь марионеткой попов. Если же Валленштейн наденет богемскую корону, он будет более надежным гарантом мира. Герцог Фридландский уклонился от ответа, заявляя о необходимости в первую очередь обеспечить политическую и религиозную свободу. Он даже похвалил шведского короля,

вступившего в войну именно ради этой благородной цели. Таким образом, Валленштейн сказал то, что хотел услышать Бубна, однако избежал полного разрыва с Фердинандом.

Бубна отправился к Турну, а затем к шведскому канцлеру Оксенштерне. Валленштейн в это время вторгся через Глац в Силезию и соединился с Галласом у Мюнстерберга. Командующего мучила подагра. Среди его противников в это время царили разногласия, их армии были не слишком сильны и страдали от нехватки продовольствия и боеприпасов. Казалось, Валленштейн сможет легко с ними справиться; однако вместо известия о победе в Вену пришла весть о перемирии.

На переговорах с Бубной Валленштейн открыто называл скотиной саксонского курфюрста Иоганна Георга, который за пристрастие к выпивке получил в народе прозвище «пивного князя». Тем не менее, герцог Фридрихский надеялся поссорить его со шведами. В апреле он пригласил к себе Арнима, предложив прекратить боевые действия и объединить силы имперской и саксонской армий «против всех, кто будет расшатывать здание Империи и нарушать свободу религии». Речь снова шла о восстановлении ситуации 1618 года, о чем император не хотел и слышать. Под «всеми,

кто будет расшатывать здание Империи», можно было при желании понимать кого угодно — от шведов и французов до испанцев и самого императора; Валленштейн выражался намеренно туманно. Итогом этих переговоров, которые велись в тайне как от друзей, так и от врагов, стало Хайдерсдорфское перемирие. Во время перемирия Арним должен был получить инструкции для дальнейших переговоров от курфюрста. Валленштейн, однако, допустил тяжелую ошибку, ограничив действие перемирия лишь одним театром военных действий, на котором находились главные силы императорской армии. В Империи, где шведы имели численное превосходство, война продолжалась.

Арним не смог убедить курфюрста в необходимости принять предложения Валленштейна; Иоганн Георг не хотел рвать со шведами. Его ответом стал набор ничего не значивших фраз. Арним двинулся в Бранденбург, но и здешний курфюрст Георг Вильгельм был верен шведам, согласившись лишь продолжать переговоры с герцогом Фридландским.

Другой ответ получил Бубна во Франкфурте-на-Майне от шведского канцлера Оксенштерны. Этот государственный деятель, отличавшийся острым умом, спросил, стремится

ли генералиссимус к всеобщему миру в Империи или ведет свою игру, собираясь продиктовать свои условия императору и Лиге. Оксенштерна считал, что время для всеобщего мира еще не пришло и нужен сепаратный мир с Валленштейном, после заключения которого тот сможет выступить против императора и стать богемским королем. В этом случае шведы готовы вступить с ним в союз. Оксенштерна, таким образом, четко дал понять, что Валленштейн должен открыто и полностью порвать с императором.

Герцог Фридландский, однако, не был еще готов пойти на столь решительный шаг и прекратил переговоры со шведами и богемскими эмигрантами. Вновь было перехвачено неосторожное письмо Турна, и Валленштейн стал еще более осмотрительным, удалил от себя офицеров, которым не доверял. Внешне он играл роль верного слуги своего господина и сообщал императору о тех переговорах, которые вел с его санкции. Чего он в действительности хотел и к чему стремился, мы можем только догадываться. Мы знаем, что он спрашивал совета у звезд, но не знаем, каков был их ответ. Примечательно, что во время перемирия он отправил своего астролога Ценно в Бреслау, чтобы тот посоветовался там

с собратом по цеху касательно перспектив заключения мира.

В Вене известие о переговорах вызвало ожидаемо негативную реакцию. Восстановление статус-кво 1618 года означало бы не только отступление католицизма, но и отмену многочисленных конфискаций. Даже те, кто желал мира, согласны были вернуться лишь в положение 1622 года; другие настаивали на том, что Реституционный эдикт должен остаться в силе.

В итоге Валленштейн ничего не добился ни на поле боя, ни за столом переговоров и лишь испортил отношения с императорским двором. На новых переговорах с Арнимом в июне 1633 года он потребовал (в качестве условия продолжения перемирия) отхода противников на правый берег Одера; получив отказ, он требовал вывода их войск из Швейдница и Яуэра, однако и здесь не добился успеха. Перемирие завершилось. Валленштейн немедленно попытался быстрой атакой захватить Швейдниц, но упорное сопротивление гарнизона и дождь, намочивший порох императорских солдат, сорвали его план. Армия Арнима вскоре подоспела сюда же и расположилась напротив армии Валленштейна; оба полководца выжидали. Император напрасно требовал от

своего военачальника большего рвения, которое помогло бы вести переговоры с более выгодной позиции. Бездеятельность Валленштейна позволяла его противникам в Империи добиваться все новых успехов. Возможно, причиной такого поведения герцога Фридрих-Ландского был его нараставший конфликт с императорским двором; в любом случае, в результате он только усугублялся.

Валленштейн в своем письме императору от 1 июня горячо возражал против проекта создания испанской армии в Эльзасе. Речь шла не только о его полномочиях — он опасался, что это вызовет вмешательство Франции. В результате испанцы стали самыми непримиримыми противниками полководца. Испанский посол Марчезе де Кастаньеда интриговал против него при императорском дворе, поддерживаемый представителем баварского герцога. Третьим в этом союзе был иезуит Ламормайни. «Партия войны» была активна и добивалась успехов, в то время как друзьям Валленштейна в Вене приходилось тяжело.

Тем временем поражение имперско-лигистской армии при Ольдендорфе от рук шведского генерала Книпхаузена стало сильным ударом для императорской власти на севере Германии. В результате шведы могли создать

непосредственную угрозу Валленштейну, который приказал своему ближайшему соратнику, полковнику Хольку, вторгнуться в Саксонию. На юге Германии шведы действовали против баварцев, маркграф Баденский осадил крепость Брейзах, прикрывавшую важнейшую переправу через Рейн. Это, в конечном счете, вынудило императора позволить испанцам действовать в Эльзасе. Формально командующий испанской армией Фериа подчинялся Валленштейну, но последний считал, что его права нарушены. К герцогу Фридландскому был отправлен Шлик, официально для обсуждения военных планов, в реальности для того, чтобы прощупать позицию армии, в особенности офицеров, относительно возможной отставки командующего.

Когда Валленштейн узнал о происходящем и решил, что Шлик везет ему приказ об отставке, он впал в настоящее неистовство и не выбирал слов. Он обратился к Арниму с предложением возобновить переговоры; два военачальника встретились 16 августа у Швейдница. Спустя несколько дней прибыл Шлик и принял участие в этих переговорах, как и Франц Альбрехт Саксен-Лауэнбургский. Итоги этих переговоров примечательны. С одной стороны, Валленштейн в беседе со

Шликом, действовавшим весьма аккуратно и тактично, согласился на все требования императора. С другой, он сделал Арниму далеко идущие предложения, которые могли быть продиктованы только ненавистью к Фердинанду. Если раньше он хотел вбить клин между шведами и саксонцами, то теперь пытался объединить все силы против императора, Лиги и испанцев. В частности, речь шла об изгнании из Германии иезуитов и о свободном выборе короля богемскими сословиями. Когда на переговорах присутствовал Шлик, Валленштейн говорил о мире с Саксонией и Бранденбургом без участия французов и шведов. Однако потом, в более узком кругу, герцог Фридландский заявлял о готовности отомстить католикам в случае, если протестанты его поддержат. Он заявлял, что Хольк, Галлас и другие офицеры абсолютно верны ему, а ненадежных он удалил. Он требовал от саксонцев и шведов объединиться с ним. Шесть полков, которым Валленштейн доверял меньше всего, он хотел подчинить Арниму. Сам он хотел вести кампанию в Богемии, Австрии и Штирии, Хольк и Бернгард Веймарский должны были действовать против баварцев, Хорн — ударить по испанцам в Эльзасе. Французов планировалось побудить выступить

против испанцев в Италии. Речь о передаче Богемии Валленштейну, по всей видимости, не шла; разговор шел о том, что он будет вознагражден курфюршеством Пфальц.

Было заключено перемирие, и Арним поспешил к Оксенштерне, чтобы сообщить ему о предложениях Валленштейна, которому, впрочем, он сам не слишком доверял. Граф Турн, напротив, слепо верил, что герцог Фридландский полон решимости прогнать императора в Испанию. Оксенштерна, в свою очередь, был очень осторожен; они договорились с Арнимом, что не пойдут на заключение конкретных соглашений и только пообещают Валленштейну поддержку в том случае, если он будет действовать в обещанном направлении. Саксонский и бранденбургский курфюрсты согласились сотрудничать с герцогом Фридландским, но отказались подчинить ему свои войска. Все хотели, чтобы Валленштейн сперва делом доказал, что его заявления следует принимать всерьез. Несмотря на перемирие, обе стороны усиливали свои войска — верный знак того, что они не доверяли друг другу.

Валленштейн стал опасаться, что поездка Арнима к Оксенштерне, которую он сам же инициировал, приведет к более тесному союзу шведов с саксонцами. Его злость

на императора постепенно проходила, и он вновь обратился к мысли о создании господствующей «третьей силы» в Империи, которая лежала в основе его более ранних сепаратных переговоров с саксонцами. Союз со шведами лишил бы его свободы рук. Когда в конце сентября он вновь встретился с Арнимом, герцог Фридландский потребовал соединения саксонской армии с императорской ради изгнания всех иностранцев, включая шведов.

Однако память о Густаве Адольфе, сложившем свою голову за дело протестантов, не позволяла Арниму согласиться на это предложение. Он напомнил Валленштейну о его прежней инициативе. Герцог Фридландский ответил, что не отрекается от них, однако предпочитает сохранить возможность лавировать между двумя сторонами.

Слух о том, что полководец собирается покинуть своего императора, разошелся по всей Германии. На биржах принимали ставки по поводу его предстоящих действий. Венецианский посол в Вене писал: «Враги обвиняют его в вероломстве, безразличные утратили к нему уважение». У Валленштейна возникла острая необходимость реабилитировать себя, добившись новых успехов. Он решил вернуться на прежний путь. Графу Кински он запретил

вести переговоры с французами. Саксонию и Бранденбург он собирался принудить к повиновению силой.

Когда его любимец Хольк умер в начале сентября от чумы, Валленштейн направил в Саксонию Галласа, который должен был силой отделить саксонские войска от шведских в Силезии. Саксонцы под командованием Арнима поспешили в Лаузиц, преследуемые императорскими полками. Однако западнее Гольдберга Валленштейн повернул, отправил конницу Изолани вслед за саксонцами, а с основной частью войска поспешил к Штайнау на Одере, где находился лагерь графа Турна. Благодаря беспечности шведов императорскому авангарду под командованием генерала Шаффгоча удалось переправиться через Одер, захватить 33 знамени и загнать противника в пределы лагеря. Когда следом подошли главные силы Валленштейна и на лагерь оказались направлены 70 орудий, сопротивление стало бесполезным. 11 октября Турн и бранденбургский полковник Дюваль капитулировали. Их солдаты перешли на службу в императорскую армию. Взятых в плен командиров Валленштейн заставил отдать приказы о капитуляции силезским крепостям, после этого он отпустил их (что вызвало сильное

недовольство в Вене). Герцог Фридландский двинулся в Глогау и Кроссену и занял эти крепости; силезские города один за другим были вынуждены открывать перед императорской армией свои ворота, Бранденбург тоже пережил вторжение, Франкфурт-на-Одере сдался без единого выстрела. Кавалерия Валленштейна добиралась до Берлина и орудовала в Померании.

Теперь герцог Фридландский мог заключить с саксонским курфюрстом такой мир, какой хотел. Он выдвинулся в Гёрлиц, разграбил его, занял Бауцен и подошел к Дрездену. Ликование в Вене было огромным, проклятье, которое, казалось, лежало на императорской армии, оказалось разбито, надолго затаившийся лев поднялся и наполнял всех ужасом.

Однако летнее бездействие принесло свои плоды; стало ясно, какие возможности упустил Валленштейн. «Самый крепкий орешек ему еще предстоит разгрызть, — сказал по этому поводу Арним. — Даст Бог, он сломает себе челюсти».

8. На краю бездны

Альдринген и Фериа смогли снять вражескую осаду с Брейзаха, но благодаря отходу Альдрингена на запад Бернгард Веймарский смог действовать свободно. Чтобы отвлечь императорскую армию от Саксонии, швед планировал осуществить диверсию — однако не против Богемии, как ожидал Валленштейн. Герцог Фридландский, собрав в Богемии свои войска, совершил стратегическую ошибку, имевшую для него судьбоносные последствия. Бернгард Веймарский двинулся в Баварию и взял Регенсбург — город, игравший роль ключа не только к владениям Максимилиана, но и к австрийским землям.

Валленштейн заявлял Галласу: «Ручаюсь своей головой, что Бернгард Веймарский пойдет к Эгеру». Он игнорировал призывы о помощи со стороны баварского герцога и 14 ноября — в тот самый день, когда пал Регенсбург, — докладывал императору: «Нет ровно никаких оснований считать, что герцог Веймарский планирует двинуться на Регенсбург».

После этого все были согласны в том, что именно Валленштейн виновен в произошедшем. Теперь его противники могли действовать в полную силу. До этого момента говорить об открытом конфликте между Валленштейном и императором не приходилось. Даже если на мирных переговорах с саксонцами герцог Фридландский далеко вышел за рамки назначенных ему полномочий, он все же действовал как уполномоченный императора, который так же, как и он, стремился к миру. Фердинанд, который ничего не знал о тайных переговорах с богемскими эмигрантами и шведами, не придавал значения неопределенным слухам. Он не считал проблемой и пассивность армии Валленштейна, зная, что тот преследует политическую цель. Но когда переговоры провалились, Валленштейн отпустил Турна и потерпел серьезное поражение, Фердинанд уже ничего не мог возразить могущественной клике противников генералиссимуса. Император испытывал страх перед своим могущественным подданным — страх, размер которого был столь велик, что в конце концов Фердинанд был готов согласиться на любое средство устранить Валленштейна.

Ключевыми противниками герцога Фридландского при венском дворе были президент

гофкригсрата¹³ Шлик (рьяный католик и враг Валленштейна), офицеры, которых командующий летом отправил в отставку, баварский посланник Рихель, полностью разделявший ненависть своего господина к Валленштейну, иезуиты и испанцы. Католикам не нравилось, что герцог Фридландский собирался отменить Реституционный эдикт. Испанцы не простили ему сопротивления их планам в Эльзасе, кроме того, они не собирались отдавать ему Пфальц, имевший важное стратегическое значение. Кроме того, испанцам не нравились его планы заключить мир — они считали Империю подходящим местом для того, чтобы вступить в схватку с французами. Граф Оньяте, прибывший в Вену как раз в это время, рьяно раздувал огонь общей ненависти к Валленштейну.

После получения известия о падении Регенсбурга герцог Фридландский пообещал императору «спешить день и ночь, чтобы отбросить герцога Веймарского». И действительно, за десять дней он добрался через Ракониц и Пльзень к Фюрту. Но вскоре он повернул назад и разместил свою армию

¹³ Гофкригсрат — придворный военный совет — военно-административный орган, предшественник военного министерства.

в Богемии на зимних квартирах. Часть сил он оставил в Силезии под командованием Галласа, другую направил в Верхнюю Австрию. Неизвестно, что стало причиной такого решения: погода, делавшая невозможным наступление, болезнь самого Валленштейна, его ненависть к баварскому герцогу или дошедшие до него слухи о том, что в Вене готовят его смещение. Возможно, свою роль сыграл каждый из этих факторов.

В Вене, однако, это вызвало новую волну возмущения. Уже вторую зиму подряд наследственные земли Габсбургов вынуждены были нести тяготы, связанные с размещением огромной наемной армии и ее обоза. Валленштейн попросил императора направить к нему Квестенберга, чтобы он мог лично объяснить причины отказа от зимней кампании. Фердинанд направил к нему не только Квестенберга, но и Траутманнсдорфа, с которыми генералиссимус должен был встретиться в Пльзене. Они должны были потребовать у Валленштейна, чтобы он хотя бы не производил реквизиции без согласия императора и сословий и не наносил тем самым ущерб авторитету монарха. Кроме того, император напрямую приказал немедленно выступить против герцога Веймарского — к этой форме общения

со своим военачальником Фердинанд еще ни разу не прибегал. Герцог Фридландский, чтобы усилить свою позицию, приказал своим полковникам представить их соображения по этому поводу — все они высказались в том же духе, что и командующий: зимняя кампания погубит армию. Впрочем, тот факт, что Валленштейн передал категорический приказ императора на обсуждение офицерам, только усугубил конфликт; как сказал Максимилиан Баварский, это было началом бунта. Когда Фердинанд и Валленштейн начали отдавать генералам противоречащие друг другу приказы, положение стало невыносимым. Пост командующего хотели передать королю Венгрии. Валленштейн не оправдал возлагавшиеся на него надежды, которым он и был обязан своими обширными полномочиями; доверие к нему пропало.

Развернувшуюся борьбу можно рассматривать как столкновение двух политических принципов. Валленштейн не хотел создавать абсолютную монархию в испанском стиле, за которую недавно сам боролся. Он также не хотел провоцировать французов, собирался изгнать шведов и установить мир в Империи. Он стремился к примирению с протестантскими князьями, чтобы они перестали искать помощь

за рубежом, — примирению на основе равноправия религий и политических свобод¹⁴. Можно сказать, что Валленштейн мыслил с национальной позиции; однако для Фердинанда II династические интересы и связь с Испанией были важнее, чем благо Империи.

До своей первой отставки Валленштейн сражался за абсолютную власть императора против протестантских и католических князей, после нее он стал бороться за права этих самых князей. Однако, находясь на службе у императора, он не имел права проводить самостоятельную политику. Честолюбие толкало его к тому, чтобы сыграть роль миротворца и снискать всеобщее восхищение. Но в сложившейся ситуации он не мог действовать лишь ради удовлетворения своего честолюбия; его положение и даже жизнь находились под угрозой.

Вскоре после столкновения у Штайнау Валленштейн направил герцогу Францу Альбрехту Саксен-Лауэнбургскому условия мира для Саксонии и Бранденбурга, которые предусматривали заключение мира с побежденными

¹⁴ Имеются в виду, конечно же, не демократические свободы в современном смысле слова, а суверенитет князей и городов, их независимость от императорской власти.

без оглядки на Швецию в обмен на освобождение их от необходимости выполнять Реституционный эдикт. Но саксонцы не доверяли своему противнику и тем более не были готовы предоставить свою армию в его распоряжение. Ему не простили его лавирования, его измен. Переговоры продолжались, и Валленштейн через доверенных лиц пытался убедить противников в своей искренности. Через Кински он установил контакт с Бернгардом Веймарским, посулив последнему земли в Эльзасе или Баварии в обмен на разрыв со шведами.

Вскоре, однако, положение существенно изменилось. Когда Валленштейн 16 декабря собрал совещание полковников, это вызвало в Вене сильное возмущение; даже князь Эггенберг перестал его поддерживать. Рихель вскоре смог торжествующе сообщить своему господину, что император уже согласен на устранение герцога Фридландского. Первым шагом стало обеспечение лояльности наиболее значимых генералов. По поводу того, что делать с самим Валленштейном, единого мнения не было. Просто отправить его в отставку казалось слишком опасным. Можно было бросить командующего в темницу, но здесь тоже имелись свои сложности.

Валленштейн, в свою очередь, стремился удостовериться в том, что армия его поддерживает, и созвал своих полковников в Пльзень. Он знал, что следующей весной в кампании вопреки его воле примет участие венгерский король, а испанцы выдвинули новые требования к его армии. Поскольку регентша испанских Нидерландов, Изабелла, умерла, на ее место должен был отправиться брат испанского короля Филиппа IV Фердинанд; короткий путь по Рейну был перекрыт французами, и новый наместник мог добраться до своей цели только через Милан и Богемию, по пути взяв с собой 6 тысяч всадников из армии Валленштейна. Чтобы добиться согласия последнего, к нему был направлен духовник молодой венгерской королевы, капуцин Кирога, с которым у герцога Фридландского были хорошие отношения. Однако эта миссия закончилась ничем.

11–12 января 1634 года 49 офицеров Валленштейна собрались в Пльзене. Среди них были Пикколомини, Трчка, Гордон, Изоланти и многие другие, чьи имена были хорошо известны. Валленштейн был прикован болезнью к постели; через Илова он сообщил собравшимся требование императора возобновить зимнюю кампанию, а также

содержание миссии Кироги. Собравшиеся единогласно постановили, что ни зимняя кампания, ни передача конницы испанцам недопустимы. Во второй половине дня Илов огласил послание Валленштейна, гласившее, что из-за многочисленных нанесенных ему оскорблений, направленных против него интриг и задержки выплаты денег на содержание армии он собирается уйти в отставку. Полковники были потрясены — в конечном счете, и в военном, и в финансовом отношении они зависели от герцога Фридландского, без него их ждал крах. Они отправили к своему командующему делегацию с просьбой не покидать их. Делегатам пришлось несколько раз приходить к Валленштейну, пока он наконец не дал желаемое согласие. Он заявил, что еще на некоторое время останется, чтобы обеспечить финансирование армии — по сути, возврат вложенных полковниками средств — и обещал, что без согласия своих офицеров не покинет войско. За это они должны были хранить ему верность, что они с готовностью и пообещали.

На следующий день Илов устроил пиршество, на котором присутствующие подписали документ, закреплявший их обязательства и достигнутое соглашение. Они поклялись делать все, что необходимо, на благо герцога

и армии, не жалеть для этого своей жизни и безжалостно преследовать отступников. Умы присутствующих были взбудоражены новостями, вино усугубило накал страстей. Свои подписи поставили все, включая Пикколомини, которого император уже давно переманил на свою сторону.

Этот молодой итальянец, родившийся в 1599 году, в 28 лет стал полковником личной гвардии Валленштейна, а незадолго до описываемых событий был назначен генералом кавалерии. Однако он, тем не менее, чувствовал себя недостаточно высоко оцененным; будучи рьяным католиком, Пикколомини не разделял намерений своего командующего. Германия не интересовала его вовсе, на войне он хотел добыть почести и богатства. Примечательно, что Валленштейн доверял Пикколомини; возможно, причиной являлось совпадение их характеров и некоторая наивность итальянца.

Герцог Фридландский заверял своих офицеров, что подписанное соглашение не направлено против императора. Однако на практике Валленштейн стремился заручиться поддержкой армии как раз на тот случай, если Фердинанд отправит его в отставку. Его действия были угрозой, подготовкой к объявлению войны. Но был ли листок бумаги

достаточной гарантией лояльности офицеров? Сам Валленштейн был уверен в этом и с нетерпением ждал Арнима, чтобы продолжить переговоры. Арниму, однако, нужно было сначала подробно обсудить происходящее со своим курфюрстом, а затем переговорить с правителем Бранденбурга. Короче говоря, он не смог приехать в назначенный срок. В любом случае, доверие Арнима к Валленштейну было подорвано, он был готов вести переговоры с Фердинандом, однако перспектива войны за Империю против императора его не вдохновляла.

Новость о произошедшем в Пльзене достигла Вены и переполнила там чашу терпения. Император собрал комиссию, в которую входили Эггенберг и Траутманнсдорф, однако не включил в нее ни одного из фанатичных сторонников Валленштейна. Тем не менее, комиссия постановила сместить командующего и 24 января назначила на его место Галласа. Всем подписавшим соглашение 12 января, кроме Илова и Трчки, было обещано прощение. Этот документ, однако, поначалу держали в секрете, даже Оньяте и Рихель ничего не знали о нем. Только Галласу, Пикколомини и Альдрингену в начале февраля сообщили о принятом решении. До середины февраля

император поддерживал непринужденную переписку с герцогом, чтобы ввести его в заблуждение.

Сместить Валленштейна было непросто. Что произошло бы, если бы армия осталась верна командующему? Альдринген пребывал в Пассау, Пикколомини был отправлен самим Валленштейном в Австрию и находился в Линце, однако Галлас, от которого оба эти военачальника должны были получать приказы, оказался прямо в пещере льва! Мы не знаем в точности, какие меры принимали сторонники императора, чтобы переманить армию на свою сторону; в их число, несомненно, входило продвижение по службе, ценные подарки и масштабные обещания. Свою роль играл и престиж императора, и страх наемников перед заключением мира, который мог лишить их всех доходов. В конечном счете, войско больше не зависело от взимаемых командующим контрибуций, поскольку полки были расквартированы в наследственных землях Габсбургов. Армия Валленштейна постепенно превращалась в австрийскую армию.

Примечательно, что герцог Фридландский не видел всей глубины грозившей ему опасности. Он приказал Пикколомини, который был одним из главных его противников, следить

за Альдрингеном, которому он не доверял. На деле оба разыгрывали перед своим командующим спектакль, стремясь усыпить его бдительность. Альдрингену было приказано прибыть в Пльзень, однако тот под различными предлогами отказывался. Галлас, который не мог уехать от командующего, не возбуждая подозрений, старался всеми средствами оправдать Альдрингена. Однако совершенно свободно действовать заговорщики не могли.

Тем временем Оньяте привлекли к заседаниям вышеупомянутой комиссии, и испанец сразу же заявил, что «легче и безопаснее убить герцога, чем держать его за решеткой». После этого император отдал Альдрингену, тайно прибывшему в Вену, приказ «пленить или убить Валленштейна». Официально командующий должен был предстать перед судом, однако страх перед ним делал его смерть единственным возможным выходом для его противников.

Герцог Фридландский продолжал ждать и Арнима, и Альдрингена. За последним он в конечном счете отправил Галласа, выпустив тем самым из рук самого опасного противника. Галлас немедленно отдал приказ по армии — не принимать больше никаких распоряжений от Валленштейна, Трчки и Илова.

Только он сам, Альдринген и Пикколомини могли отдавать приказания. Однако и этот приказ пока держался в тайне. Пикколомини сначала должен был, не вызывая подозрений, добраться до Пльзеня и с помощью верных ему офицеров захватить Валленштейна.

Однако, прибыв в ставку герцога Фридрихландского, итальянец обнаружил там совсем не тех солдат, на которых рассчитывал. Валленштейн стянул верные ему войска, и приказ Галласа был оглашен только в тех полках, которые находились далеко от Пльзеня. Удивительно, но Пикколомини смог спокойно вернуться в Линц. Валленштейн питал к нему необъяснимое доверие — возможно, продиктованное звездами, к совету которых герцог так любил обращаться.

Вернувшись, Пикколомини получил от Галласа приказ ворваться в Пльзень в сопровождении двух тысяч конников. Однако у Валленштейна внезапно открылись глаза. Слишком много было тревожных событий: полковник Диодати без приказа собрал своих солдат и ушел вслед за Пикколомини, испанский агент Наварро тайно уехал из Пльзеня — крысы бежали с тонущего корабля. Валленштейн все еще не знал в точности, что происходит, но видел, что дело неладно и тучи над ним

сгущаются. Теперь он обратился за помощью к тем, с кем раньше вел переговоры с позиции силы. Через Франца Альбрехта Лауэнбургского он отправил Арниму письмо с просьбой собрать на богемской границе несколько тысяч всадников, чтобы в случае необходимости прийти ему на помощь против мятежной части его армии. Таким образом, Валленштейн собирался опереться на врага в борьбе с собственным господином.

Свои войска он планировал собрать 23 или 24 февраля в районе Праги и отправиться к ним. 19 февраля Валленштейн, вновь прикованный болезнью к постели, собрал своих офицеров и заявил им, что никогда не замышлял ничего против императора и религии; однако в Вене есть придворная партия, которая не хочет мира и не дает отправлять армии необходимые ей деньги. Если хоть кто-нибудь увидит, лицемерно заявлял Валленштейн, что он действует во вред императору и религии, этот офицер может чувствовать себя свободным от клятвы верности своему командующему. После этого он заставил офицеров еще раз подписать декларацию о том, что они будут поддерживать его. Это так называемое «Второе Пльзеньское соглашение» подписали в общей сложности 32 полковника. На

следующий день Валленштейн отправил гонца к императору, заверяя последнего в своей преданности и готовности достойно уйти со своего поста.

Гонец, однако, был перехвачен в пути противниками Валленштейна. Трчка, которого командующий отправил в Прагу, чтобы приготовить все к своему прибытию, узнал содержание приказа Галласа и понял, что столица Богемии потеряна. С этой новостью он 21 февраля вернулся в Пльзень. Валленштейн, для которого происходящее стало тяжелым ударом, запретил своим войскам принимать приказы от Галласа, Пикколомини и Альдрингена. Кавалерии было приказано выдвинуться к Эгеру¹⁵.

Известие о том, что Пикколомини не удалось захватить Валленштейна врасплох, вызвало аналогичную панику в Вене. 18 февраля Фердинанд подписал новый приказ о смещении командующего, в котором содержались тяжкие обвинения в измене, тирании и попытке завладеть короной. Была назначена комиссия для конфискации поместий герцога Фридландского, Илова и Трчки. Все вырученные в результате средства должны были быть

¹⁵ Современный чешский город Хеб.

пущены на содержание армии. 22 февраля весть о смещении Валленштейна была опубликована. Эффект оказался неожиданным; в течение двух дней практически вся армия покинула своего командующего. Только один из его генералов, Шаффгоч, сохранил ему верность; его схватили и в следующем году казнили. Кавалерийскую атаку на Пльзень отменили — против полководца без армии она была не нужна.

Но Валленштейн еще продолжал считать, что в его руках остается власть. Он верил в силу подписей на куске бумаги. 22 февраля он двинулся из Пльзеня в Эгер в сопровождении Трчки, Илова и Кински, а также оставшихся у него десяти рот. По пути он отдал распоряжения полкам, которые считал верными себе, подтянувшись, собрать все силы в один кулак. По пути Валленштейн встретил полковника Батлера с драгунами и присоединил к своей группе. Батлер, ирландский католик, был одним из тех, кто подписал документ 19 февраля, однако в данной ситуации заподозрил неладное и отправил гонца к Галласу и Пикколомини с известием о том, что вынужден сопровождать герцога Фридландского.

9. Смерть Валленштейна

Во второй половине дня 24 февраля Валленштейн, больной и покинутый всеми, прибыл в Эгер, откуда когда-то началась его первая кампания в Империи. С ним оставалось пять неполных рот. Эгеру не везло в последние годы — он был разорен войной, его жители насильственно обращены в католическую веру, многие покинули свой город. Комендантом городской крепости был полковник Гордон, шотландский протестант. Илов и Трчка пытались убедить его перейти на сторону Валленштейна, однако он остался верен императору. Вечером 25 апреля сподвижники Валленштейна устроили пир и пригласили на него Гордона; тот, однако, передал информацию Батлеру. Судьба герцога Фридландского была решена.

Во время пира прислуга незаметно удалилась, и солдаты Гордона напали на ничего не подозревавших сподвижников Валленштейна. Разгорелась борьба не на жизнь, а на смерть. Первыми погибли Кински и Илов. Капитан

Ниманн, секретарь Валленштейна, бежал в соседнюю комнату и был заколот копьями стражников. Трчке удалось прорваться в угол зала, где он некоторое время защищался, убив и ранив нескольких нападавших. Однако в конце концов и с ним было покончено.

Валленштейн, по-прежнему больной, уже расположился на ночлег в одном из соседних домов. Внезапно он услышал крики. Графини Трчка и Кински узнали от слуги, успевшего спастись от кровавого побоища, о смерти своих мужей. Валленштейн открыл окно, чтобы спросить, что происходит, и позвать стражу. В это время с черного хода в дом ворвались убийцы, которые смогли незамеченными добраться до спальни герцога. Валленштейн повернулся к ним, развел руки в стороны и, не издав ни единого стона, принял смерть от рук ирландского капитана Деверуа, пронзившего его своим протазаном.

«Огромная милость, оказанная Господом Австрийскому дому!» — воскликнул Оньяте, узнав о произошедшем. Независимая армия была уничтожена, как и «партия мира» при дворе. Бессудный приговор был приведен в исполнение. Хотя император отдал приказ убить Валленштейна, тот, кто это сделал, действовал по своему почину, не зная

о приказе. Только после того, как все было закончено, пришел приказ Пикколомини взять Валленштейна живым или мертвым. Батлер и Деверуа были не палачами, а убийцами. Император, однако, в любом случае был им благодарен, оправдал их действия и щедро наградил. Двенадцати солдатам, которые непосредственно участвовали в расправе, Галлас немедленно приказал выплатить по сотне талеров, командовавшему ими офицеру — две тысячи, капитанам Деверуа и Макдональду — по тысяче, остальным присутствовавшим солдатам — месячное жалованье. Деверуа позднее получил еще 40 тысяч гульденов и несколько конфискованных имений. Затраты рассчитывали покрыть за счет имущества убитых — наследство Валленштейна оценивалось в 9 миллионов гульденов, Трчки — почти в 900 тысяч. Батлер и Гордон получили по 120 тысяч гульденов. Галлас получил имения Фридланд и Райхенберг, Альдринген — Теплиц (ранее принадлежавший Кински), Пикколомини — Наход (владение Трчки).

Труп Валленштейна, вскоре окаменевший на морозе, был положен в грубо сколоченный деревянный гроб и отправлен во францисканский монастырь в Мизе, где и похоронен вместе с соратниками. В 1636 году граф

Максимилиан фон Вальдштейн забрал останки и без всякой помпы похоронил их в Вальдтце, рядом с могилами первой жены и сына Валленштейна. В 1782 году гроб был перевезен Вальдштайнами в Мюнхенгретц.

Герцог Фридландский дважды спас дом Габсбургов — и погиб в конфликте с этим домом. Стремясь добыть богатство, власть и славу, он примкнул к императору и поднял его к вершинам могущества. Но слуга, обласканный милостями господина, вскоре сам почувствовал себя господином. В той власти, которую он вручил в руки Фердинанду, он увидел угрозу для самого себя и для того сословия имперских князей, к которому он теперь принадлежал. Поэтому он пытался вынудить императора вернуть те свободы, которые сам незадолго до этого и отнял. Однако после того, как мощь императорской власти обратилась против Валленштейна, он проиграл. Военачальник рассчитывал на своих офицеров, но просчитался; они были заинтересованы не в мире, который закрепил бы достигнутое, а в войне, которая давала бы им все новые и новые шансы. Им больше подходил не сильный и самостоятельный князь, а безвольный и управляемый император, который мог легко вознаградить их почестями и землями.

Такая судьба, которая выпала на долю Валленштейна, была возможна только в то неспокойное, лишенное стабильности время. Война опустошала Германию, опрокидывая все устоявшееся. Все страсти были возбуждены, все противоречия обострились, сила значила больше права. Когда Валленштейн попытался остановить пожар, который сам же помогал разжигать, он был поглощен его пламенем. Задумывая масштабные планы, он не смог обеспечить их достаточными средствами; глядя вдаль, не замечал то, что вблизи. Он смотрел на звезды, в то время как почва уходила у него из-под ног. В итоге его жизнь кончилась раньше, чем он смог до конца сыграть свою партию. Возможно, если бы ему удалось заключить мир, он остался бы в истории как благодетель Отечества. Но борьба продолжалась еще долгих четырнадцать лет — еще более ужасных и разрушительных, чем первая половина войны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Власов Н.</i> Предисловие переводчика	5
1. Бурная эпоха.	12
2. Детство и юность.	28
3. Создание армии.	46
4. На вершине успеха	70
5. Первое падение.	91
6. Возвращение генералиссимуса	105
7. В паутине интриг	122
8. На краю бездны	136
9. Смерть Валленштейна	153

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Шульц Ганс

**ВАЛЛЕНШТЕЙН И ЭПОХА
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка макета *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 24.06.25
Формат 10,0×18,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Имя Валленштейна известно даже тем, кто достаточно смутно представляет себе историю Тридцатилетней войны. И действительно, биография этого полководца читается как захватывающий приключенческий роман. В его жизни было все — головокружительный взлет, интриги, победы и поражения и, наконец, трагическая гибель. Недаром великий немецкий поэт Фридрих Шиллер посвятил Валленштейну одно из главных своих произведений. По сегодняшний день весьма спорным остается вопрос оценки личности и деятельности этого «идеального наемника».

Был ли он просто беспринципным стяжателем славы и богатств — или талантливым политиком, который мог бы направить развитие Германии по иному пути?